Счастье для ведьмы

Автор:
Ольга Гусейнова

Счастье для ведьмы

Ольга Вадимовна Гусейнова

ЛитРес: Фэнтези

Бывают ведьмы по характеру, а я – по рождению. И если первых все побаиваются, уважают и обходят стороной, то вторых почему-то пытаются проклясть, поймать или головы лишить. Или того хуже – жениться хотят!

А что для истинной ведьмы страшнее плахи и палача с топором наизготовку? Мужчина! С золотым сердцем, каменным лицом и стальными нервами! В такого и влюбиться недолго, а любовь для ведьмы погибели подобна. Ведь любим мы только раз, но до самой смерти!

Ольга Гусейнова

Счастье для ведьмы

Глава 1

На свежем холмике жирной темной запашистой земли установили невысокий деревянный памятник с именем Катерины Яромировны Леснянской. К его подножию люди, пришедшие проводить мою бабулю в последний путь, принесли множество красных гвоздик – словно капельками крови покрыли могилку. Рядом, в пределах одной ограды, с гранитных плит тоскливо поблескивали, словно

взирали на меня, еще несколько до боли родных имен: прабабки, деда, мамы, а теперь вот и бабушки. Отныне я единственная наследница по материнской линии.

Я замерзла, слишком долго пробыла на кладбище. Мы захоронили очередную урну с прахом, ни в одной из могил нет тел, только пепел. Леснянские испокон веков следовали своим традициям, по мнению многих, языческим: имена детям давали старославянские, покойников всегда кремировали, а памятники на кладбище – лишь место памяти для живых.

– Елечка, замерзнешь совсем, простынешь, может, по домам? – ласково, виновато предложил отец.

– Ты иди, пап, тебя же дома заждались, а я еще чуточку посижу и тоже домой поеду, – натянуто улыбнулась я, пряча ладони между коленей, чтобы согреть озябшие пальцы.

– Ты уверена? Может, лучше к нам? – осторожно уточнил он и, отметив, как я кивнула, а следом отрицательно мотнула головой, едва заметно, облегченно выдохнул.

Да, у него давно другая семья, дети, я там лишняя. Взяв организацию и оплату похорон бывшей тещи на себя, отец таким образом проявил заботу обо мне, старшей дочери. Помог и деньгами, и участием.

Мягко, но неуверенно потрепав меня по макушке, папа постоял с минуту, а потом, на прощание пожав мое плечо, ушел. Я же осталась на лавочке, пока еще не в силах уйти, и тоскливо провожала взглядом его фигуру в черном пальто. Несмотря на возраст – пятьдесят лет, – отец по-прежнему подтянутый и красивый. К тому же, в нем идеально сочетаются ум, привлекательная внешность и хороший характер.

Одиночество и тоска совершенно непривычны для меня. А сегодня, похоронив самого близкого человека, я по-настоящему осиротела. Маму я помню смутно. Когда она погибла, участвуя в мотогонках, мне было всего пять лет. За пару лет до того они развелись с моим отцом, он ушел к другой женщине, чуть старше и не такой красивой, как моя мама, зато любящей и любимой. Сейчас мне понятно, что ему хотелось покоя и стабильности, а не азарта и вечной погони за

приключениями, которые горели в крови Майи Леснянской.

В новую семью отца бабушка меня отдавать категорически отказалась, она потеряла единственную и позднюю дочь, лишиться еще и внучки – ни в коем случае! Мой папа это принял, особо не настаивал – они с женой ждали собственного первенца – и вел себя ответственно: содержал, как положено, до совершеннолетия. Близки мы никогда не были, встречались лишь по праздникам, но я всегда знала: отец меня любит и по-своему заботится. А вот бабушка любила меня безмерно и за всех разом, душа у нее была огромная и светлая, всех одаривала теплом. И в этом тепле я никогда в жизни даже на миг не ощущала себя одинокой или чего-то лишенной, как сегодня.

В этом году я закончила факультет иностранных языков, мне двадцать один год, и до сих пор не представляю, чем хочу заниматься в жизни.

Родилась я не в обычной семье, хотя эту необычность осознала только в школе, когда мамочка одноклассника презрительно, но с опаской обозвала меня ведьминым отродьем. И это в двадцать первом веке! Мы жили в крепком просторном деревянном доме возле леса. С одной стороны, на машине до города и лучшей школы рукой подать, с другой – почти на выселках живем и за забором «грибы да ягоды».

Сколько себя помню, наши праздники не совпадали с государственными, летом и осенью с утра до вечера, а бывало и ночами, собирали лесные травы и корешки, сушили, потом моя бабулечка продавала эти сборы. Более того, до поры до времени меня не интересовало, зачем к Катерине Яромировне Леснянской то и дело приезжают разные люди: женщины и мужчины, молодые и пожилые. Нет, она никогда не гадала и ничего не предсказывала, даже ругалась и «плевалась» на такие умения. Но вот своими травками да заговорами пользовала нуждающихся. Деньги у нас всегда водились – добровольные пожертвования исцеленными делались от щедрой души. Бабуля, как говорится, в рекламе не нуждалась: страждущие сами приходили благодаря доброй молве.

Наш дом, построенный еще в начале девятнадцатого века, пережил не одно поколение Леснянских, и народ в округе в курсе, что живет здесь старый ведьминский род. Живет обособленно, в скандалы и склоки местных никогда не встревает, внимания не привлекает… Ну как: потихоньку жутковатые ритуалы проводит да празднует не пойми что. Даже в лихолетье наш старый, потемневший от времени дом не трогали, обходили стороной, будто чувствовали

опасность. Женщины наши между собой очень похожи: замкнутые, часто одинокие, гордые, красивые и загадочные…

У нас в горнице-зале-гостиной на стенах развешено много старых и новых фотографий представительниц рода Леснянских. При разных отцах, во все времена наши женщины таинственным образом передавали из поколения в поколение характерные черты. Большинство – шатенки с толстыми косами, высокие, статные, стройные, но фигуристые, с очень светлой, нежной кожей и невероятно яркими изумрудными глазами. Мой отец – блондин, поэтому я скорее русая, чем шатенка, но все остальные черты Леснянских «налицо». И глаза зеленые – как трава, и кожа – как дорогой фарфор, густая шевелюра укрощена короткой модной стрижкой, стройная фигура с высокой грудью и округлыми бедрами, всегда с прямой спиной. Еще бы, чуть ссутулишься – и получишь от бабули промеж лопаток.

Да, я прямая кровь, как говорила бабушка Катерина. Правда, потом она тихонечко бурчала, что сильно разбавленная, ведь едва «чую» землю и растения, совсем капелька родового дара мне досталась. И скоро совсем наследие предков потеряем. Может, потому что крайняя в роду, не чую земли, и слабосилок, как бабушка называла за детские или подростковые безобразия. А меня, вопреки ее озабоченности потерей родом какого-то-там-дара, разбирали смех и ирония: какие ведьмы в наше время? Какой дар?

То ли дело сила интернета, благодаря которому я спокойно подрабатываю фрилансером-переводчиком. А бабуля моя в травах разбиралась, потому что ботаник по образованию, – вот и все тайны. Но теперь я одна, слезы выплакала, сижу на кладбище, вокруг буйство осенних красок, пахнет пожухлой травой, руки-ноги замерзли, и на душе зябко.

Ведь и правда, надо идти домой, в пустой, одинокий дом на краю леса. А я словно застряла на перепутье: прошлое напоминает о почти домашней, привычной мистике, ритуалах и бабушкиных зельях, а будущее пугает жесткой реальностью, где правят технологии и ни во что не верят, кроме денег.

Может, зря я к отцу не поехала? Хотя нет, там чужая мне женщина, сестра и брат с их подростковой ревностью к отцу, а мы с ним видимся несколько раз в год. И к подругам не поехать, обе неожиданно и по любви недавно вышли замуж. Даже наш старенький кот умер месяц назад. Эта потеря и подкосила бабушку; может, потому инфаркт и пропустила незамеченным. Думала, душа от

тоски болит за Митрофанушку, а оказалось… Эх!..

Сырой холмик, под ним урна с пеплом – частичка от бабушки, которая все-все отдала мне: свое время, часть жизни, море любви и тепла. А я… не верила, мысленно снисходительно хихикала над ее делом и родовым даром, даже не думала о том, какую боль своим непринятием причиняю родному человеку.

Хлюпнув носом, я неожиданно ощутила что-то горячее в душе, вину, протест и жгучее желание все исправить. Вот прямо срочно. Клятва далась мне легко, от души: «Я обещаю тебе, что постараюсь стать ведьмой, как ты хотела. Постараюсь не забыть то, чему ты научила, не забуду, чья кровь течет во мне».

Даже дышать стало легче, ведь в кои-то веки у меня появилась настоящая, важная цель, долг, нет, практически целый план жизни.

Подул холодный осенний ветер, словно вынуждая уйти с кладбища. Я окончательно продрогла и решила, что дальше и впрямь высижу здесь только цистит. Поправила цветы на могилках, кинула прощальный взгляд на родные имена на памятниках и отправилась домой. Ну и так как очень замерзла, с полминутки помучившись сомнениями и стыдом, решилась срезать путь до своей машины. Точнее, посмотрев по сторонам, нагло перелезла через забор – всего-то полутораметровый – и спрыгнула в прилегающую к кладбищу лесополосу. Буквально в сотне метров проходит узкая асфальтированная дорожка для велосипедистов и пешеходов, дойти до нее – плевое дело, а там и до парковки рукой подать.

Я почти дошла до дорожки, когда справа заметила странное мерцание. И вот зачем оно мне сдалось? Замерзла как собака, устала, кладбище за спиной, вокруг ни души, но любопытство, присущее всем Леснянским, – бабушка называла его самым страшным проклятьем рода – по наследству передалось и мне. Причем оно с лихвой компенсировало недостаток дара.

В общем, ноги сами пошли туда, где светилось что-то такое загадочное, и привели к прямоугольному нечто, похожему на прозрачную, слегка искажающую пространство дверь, вот прямо как в фантастических фильмах показывают. Еще и пробегающие по загадочной плоскости голубые искорки подтверждали, что это не «дыра», а вход… или выход.

Я нервно оглянулась: на дорожке и вокруг – никого, а «вход» мерцает искорками, красиво так, призывно… Нет, непреодолимо любопытно. А там, за ним, еще более завлекательно играет красками потрясающий воображение пейзаж, причем буквально – как в роскошном ботаническом саду! Раскидистые деревья с фиолетовыми широколистными кронами, похожие на цветущую тропическую жакаранду; кусты с желто-зеленой листвой, словно весенняя форзиция; бурая, но вряд ли пожухлая от заморозков трава.

Чудеса, да и только! Затаив дыхание, я глядела, будто зимними сумерками в окно дома, где светло и тепло, глядела… в другой мир. Ну и что мне делать дальше? Мелькнула здравая мысль: сообщить компетентным органам об этой странности, а пока – ноги в руки и валить отсюда подобру-поздорову. Мелькнула и сдохла, жестоко раздавленная наследственным любопытством.

Мой покрасневший от холода палец сам собой коснулся мерцающей пелены. Только потрогать хотелось, но неожиданно, не ощутив сопротивления, он проткнул это сияющее нечто.

Я испуганно отдернула руку. Ничего, вот абсолютно ничегошеньки не произошло, и палец целым остался! Теперь любопытство не только зашкаливало – жгло! Видимо, за последние три дня я выплакала все мозги и потеряла осторожность, потому что спустя пару минут сунула «на ту сторону» еще и голову. Как же не разглядеть получше невиданный ранее, чуждый лес? Чуждый, потому что точно не на Земле…

Высокие фиолетовые деревья; кусты, усыпанные яркими ягодами; полянка, заросшая даже с виду густой упругой травой; нереальное изумрудно-голубое небо; слепящее оранжево-желтое солнце, а рядом с ним на небосклоне зависли круглые, разноразмерные, цветные диски спутников. И воздух на этой незнакомой поляне по-весеннему теплый, насыщенный ароматом цветов и чего-то свежего, яркого, вкусного – хотелось дышать и дышать.

Именно жгучее желание вдохнуть этой загадочной сладости поглубже заставило меня совершить очередную глупость: полностью преодолеть силовой барьер, шагнуть на чужую землю. В чужой мир.

Стоило мне оказаться целиком по «ту сторону», я глубоко, с наслаждением, вдохнула. Казалось, лучи чужого солнца пронизывают мое тело насквозь,

заряжая энергией, словно иссохший аккумулятор. Шепот ветра, шелест листвы и тишина. Ничего страшного не произошло – сплошная благодать. В груди будто разжалась пружина, что напряженно дрожала после смерти бабушки. Да и чего бояться, ведь в шаге за спиной проход обратно? Вот посмотрю, подышу, погреюсь, как на курорте!

С растерянной улыбкой я задрала голову и уставилась в небо, изумрудно-голубое, чистое, прозрачное, затем полюбовалась окружающим меня густым лесом, нереально ярким, прямо-таки фантастическим. До чего же вокруг красиво и покойно! В душе родилось и буквально ощутимо росло, распирало грудь острое чувство счастья, будто надышалась чего-то «веселенького». У меня вырвалось радостное:

– В этом раю можно и остаться!

Ответом мне был глухой хлопок. Обернувшись на звук, я задохнулась от ужаса: «дверь» исчезла! Осталась лишь примятая бурая трава, и то там, где я потопталась. Заныв от накатывающей паники, я опустилась на четвереньки, пытаясь найти в траве хоть что-то, что бы указало, как вернуться. Ни-че-го!

Вскоре пришлось признать, что прохода больше нет, как и разумных идей насчет того, что делать дальше. И в этот момент пугающую тишину нарушил глубокий грудной голос:

– Ну здравствуй, преемница!

Я подпрыгнула от неожиданности и закрутила головой. И увидела невдалеке, у подножья заросшего багрово-зеленой травой большого холма, женщину, сидящую в кресле-качалке. Немолодую, но и не старую, лет шестидесяти. Как говорила бабуля, тех лет, когда в душе ты еще молод, но лицо уже выдает возраст. Она спокойно смотрела на меня, неторопливо раскачиваясь и пуская из мундштука маленькие облачка дыма.

Похлопав глазами – откуда она тут взялась?! – я наконец рассмотрела у холма небольшой добротный дом, который, видимо, задней частью врос в него или стал рукотворным продолжением. Даже крыша почти сливалась с ярким дерном. Так сразу и не заметишь это симпатичное укромное жилище, только встав лицом к двери и окнам. Разглядывая вполне обычное человеческое лицо незнакомки, я

изумленно просипела:

– Здравствуйте! Вы меня тоже понимаете?..

А про себя подумала: «Может, это все же мой мир…» Но, посмотрев вверх-вниз, налево-направо и убедившись, что такой занятной выставки спутников на нашем небе точно не бывает, содрогнулась от кошмарных перспектив. Я буквально ощутила, как внутри что-то ухнуло в пятки от страха, поэтому, так и не услышав ответ на свой вопрос, срывающимся голосом зачастила:

– Пожалуйста, пожалуйста, верните ту… дверь или хотя бы скажите, как мне вернуться обратно? То есть как открыть тот портал… или силовой барьер, или я, в общем, не знаю, как это точно называется. Но я очень хочу вернуться домой, помогите, пожалуйста, я вас умоляю! Откройте мне дверь, пожалуйста, мне очень-очень надо домой!

Незнакомка заметно тяжело поднялась из кресла и направилась ко мне. Вроде не тот возраст, чтобы так тяжело вставать, но, может, болеет? Она приближалась, а я паниковала и вместе с тем надеялась на спасение. Да-да, мало того, что я неприлично любопытная, к тому же еще и наивная.

Женщина остановилась в шаге от меня и, пристально разглядывая, изучая и явно оценивая, наконец ответила:

– Это не дверь, детка, а портал между мирами. Он пропускает только в одну сторону и лишь один-единственный раз. Ты больше никогда не сможешь вернуться в прошлую жизнь, и я уверена: тебя там ничего и никто не ждет. Иначе призыв не сработал бы.

– О чем вы говорите, я не понимаю? – пискнула я, невольно делая шаг назад, не на шутку перепуганная: вот дурища, сунулась в непонятную дыру, как еще сразу мою глупую голову не оторвали.

– Уверена, ты меня хорошо понимаешь. Знание призванным языка призывающего входит в условия ритуала.

Я нервно потерла виски, пытаясь вернуть себя в реальность и вникнуть в странные слова слишком уверенной женщины, но ничего не изменилось: все там же, все с ней же.

– Дело не в словах, а в смысле! – отчаянно выдохнула я, а потом, чуть не плача, еще отчаяннее взмолилась: – Я вас очень-очень прошу, верните меня обратно, домой. Пожалуйста!

Незнакомка молча внимательно рассматривала меня – пришелицу из другого мира. Прошлась взглядом по моему лицу, сегодня без макияжа, наверняка с красными от слез и недосыпа глазами. Я словно со стороны, будто ее глазами, видела свою наглухо застегнутую темно-коричневую куртку, мягкий зеленый объемный шарф, в который мне хотелось спрятаться с головой, как в детстве под одеялом, черные плотные джинсы, запылившиеся ботинки на низком каблуке. Замшевую сумочку я судорожно мяла в руках.

Дальше я не менее пристально рассматривала свой «билет домой»: высокую, статную женщину с изумрудными, как и у меня, глазами, цепкими, невероятно умными; резковатыми чертами лица с морщинами, которые, тем не менее, ее не портили, а скорее подчеркивали, что и подступающая старость может быть благородной и красивой. Низко уложенная толстая коса с серебристо-седыми прядями, контрастирующими с темными.

У меня закралось подозрение, что длинное коричневое платье иномирянки сшито из домотканой ткани, еще и крашенной, наверное, вручную, неравномерно. А может, от носки цвет кое-где выгорел. Тем не менее платье вполне приличное: длинные рукава с черной вышивкой по краям и ворот стоечкой, на груди – ряд резных деревянных пуговиц, кожаный пояс, из-под которого от талии спускается свободными складками широкая юбка.

Несмотря на теплую погоду, плечи женщины накрыты пестрой вязаной шалью. Крепкие, разношенные, слишком грубые ботинки я отметила, когда женщина сидела в кресле. Моя бабуля такие даже в лес не надела бы.

Невольно мелькнула испуганная кошмарными перспективами мысль: эта женщина не из современного мира с его технологиями, а из махрового Средневековья.

Наконец, завершив осмотр, она задумчиво произнесла:

– Странно, потенциал, бесспорно, большой, но при этом слабосилок. Излучения энергии почти не ощущается.

Одно дело, когда родная и любимая бабушка тебя слабосилком называет, другое – какая-то странная незнакомка. Я подобралась и, вздернув подбородок, глухо возмутилась:

– Простите, э-э-э… не знаю вашего имени, и повторюсь: мне нужно вернуться и…

– Как твое имя? – Женщина оборвала меня, но не зло и грубо, просто явно привыкла командовать.

Удивительно, что мой задранный подбородок она одобрила, даже едва заметно улыбнулась. А меня терзало чувство, что я угодила в яму-ловушку и медленно туда проваливаюсь. Ответила я хрипло, потому что горло перехватило:

– Меня зовут Еля… фамилия Леснянская.

– Еля Леснянская… – задумчиво протянула женщина, при этом ее зеленые глаза вспыхнули потусторонним светом, заставив меня судорожно сглотнуть. – Судя по глазам, имени и роду, ты тоже из лесных ведьм. Это хорошо. Принятие и привыкание проще пройдут. Я Измира из рода Древесных.

Она говорила спокойно, не обращая внимания на мои все сильнее округляющиеся глаза.

– Приятно познакомиться, – выдавила я, а потом добавила, хлюпнув носом: – Можно мне все-таки вернуться домой?!

Измира нахмурилась, не зло, а потом с сожалением покачала головой:

– Прости. Мне нужна преемница – самый подходящий сосуд для моей силы, которую будет способна принять, слиться с ней, сродниться. Поэтому я провела ритуал призыва. Ритуал сложнейший, я несколько лет копила на него силы, ведь прервать его без последствий невозможно – только дойти до конца. К

сожалению, в нашем мире более подходящей моей силе преемницы не нашлось, поэтому я раскинула сети за его пределы и нашла идеальный вариант!

Ее объяснение еще сильнее напугало: прозвучало зловещим рефреном моему недавнему обещанию у могилы бабушки стать ведьмой.

– Послушайте, Измира, миленькая, при чем тут лесные ведьмы, сосуды? Я не могу стать вашей преемницей, мне, вообще-то, домой надо, там…

Женщина, точнее, лесная ведьма, как она себя представила, устало взмахнула рукой, останавливая едким замечанием мой срывающийся сквозь всхлипы на панический писк молящий голосок:

– Детка, лучше быть колючей, но мудрой елочкой, чем дубовой пробкой, которая только и умеет, что с шумом вылетать из бутылки. Поэтому выслушай меня внимательно и не перебивая.

– Я похолодела. Измира практически слово в слово повторила любимую присказку моей бабушки, но это, как ни странно, помогло мне взять себя в руки, как учили с детства.

– Я пока не знаю, в каком мире ты жила, как у вас относятся к ведьмам и магии. Быть может, потому что ты слабосилок, ведьмой себя не считаешь, но через год все изменится. Ты станешь сильной, очень сильной. Повторяю: ритуал призыва завершен, он необратим, сам Мирей согласился принять тебя, позволил открыть дверь, пропустил сквозь пространство и время…

– Мирей? – обреченно шепнула я.

– Да, так называется этот мир, точнее, его дух. Все ведьмы – дети природы, а значит, мы дочери Мирея или любого другого мира и его духа. Коль ты смогла пройти сквозь грань миров, тебя больше ничего не держало на родине. Корни твоего рода сгнили, вся родня наверняка ушла за грань. Ты слабосилок с большими возможностями, это говорит о том, что твой мир, скорее всего, пуст, магия в нем умирает или вообще отсутствует. Я едва не иссушила себя, чтобы дотянуться до тебя, значит, твой мир очень далеко отсюда. Но портал был стабильным, и ты без последствий для себя совершила переход. Я уверена: дух твоего мира помог своей дочери покинуть родной дом, чтобы не сгинула в

скором времени, как и весь твой род.

– Нет-нет, это неправда, это бред, это не может быть правдой! – Я испуганно прижала руки к лицу, затем снова растерла пальцами виски, расстегнула, а потом и вовсе сняла куртку, а то пот струился между лопаток.

Потом убито оглядела дивную поляну иного мира – уже не такую привлекательную – и незнакомку, которая говорила жуткие вещи. И никак не могла поверить, что все это происходит в реальности. Сначала похороны, кладбище, потом другой мир. Дурдом какой-то.

– Тебе придется принять правду: обратной дороги нет, ведь только Мирей знает, где находится твой дом. Но как спросить дорогу у целого мира, подумай? Ни я, ни кто-нибудь другой не сможет указать тебе обратный путь. Здесь же, когда ты привыкнешь, осознаешь и примешь новый дом, сможешь обрести счастье, силу и долголетие.

– Долголетие? – заинтересовалась я.

– Чем сильнее ведьма, тем дольше она живет! – усмехнулась Измира.

– Простите за бестактный вопрос: сколько вам лет? – поинтересовалась я, подозревая подвох. И снова чуть не задохнулась от страха: – А-а-а… разве ведьмы не люди? Выглядите вы вполне приличным человеком.

Измира перестала улыбаться, на ее лицо словно тучка набежала.

– Триста двадцать семь.

Она сразила меня наповал. А потом добила:

– Ведьмы – это ведьмы. Мы – отдельный, скажем грубо, магический вид. Но если не придираться к мелочам, да: внешне почти неотличимы от людей.

– Больше шестидесяти вам и не дашь, – польстила я ей, потрясенная до глубины души.

К моему еще большему замешательству, эта, как выяснилось, древняя «нелюдь» удивленно выгнула седые брови и осторожно уточнила:

– Сколько тебе лет? И сколько живут в вашем мире ведьмы?

Я пожала плечами, затем от нервов, не иначе, скороговоркой выпалила:

– У нас ведьм нет! Точнее, это просто люди с особым даром или с мерзким характером. А вообще, люди живут примерно до ста лет. Кому как повезет. Мне – двадцать один. Моей бабушке – семьдесят семь исполнилось, моя мама у нее поздний и единственный ребенок. Была. Бабушка три дня назад тоже умерла, от инфаркта, хотя успешно лечила других.

Не знаю, насколько я удовлетворила любопытство Измиры. Она молчала с минуту, пристально, открыто и недоверчиво разглядывая меня, пока наконец не высказалась:

– Ваш мир, похоже, совсем пустой. В пятьдесят лет ведьмы только обретают самостоятельность, а в двадцать один – еще слишком юные.

– То есть существует шанс, что я проживу до трехсот лет?! – неуверенно улыбнулась я, немало обнадеженная иномирными перспективами и даже отчасти успокоившись.

Кажется, Измире удалось отвлечь меня от боли и переживаний из-за потери родного человека. Общение с ней невольно заглушало чувство беспросветного одиночества и тоски, поэтому я легко вовлекалась в наши необычные переговоры.

Измира поморщилась, но, оказалось, не я тому виной.

– Будешь колючей и неприступной елочкой – обретешь бессмертие, а если благородным дубом – первый попавшийся дятел выдолбит в тебе дупло вместо сердца, дальше налетят короеды и сожрут тебя изнутри. Самой жить не захочется.

– Судя по вашему голосу, вы тот самый дуб с дуплом и короедами, – с ходу сделала вывод вслух я и не без иронии добавила: – И чем вам дуб не угодил, отличное же дерево?

Измира опять не обиделась, грустно, но с ехидцей усмехнулась:

– Каждый совершает ошибки. – Помолчала немного и утомленно предложила: – Прости, я совсем выжата после ритуала, да и ты, наверное, тоже. Приглашаю тебя в свой дом. Если нам повезет, вскоре он все равно станет твоим.

– Почему? – Удивляться больше не осталось сил – новости сыпались на меня, как из рога изобилия. Одна чуднее другой, не то плохая, не то очень плохая.

– Пойдем, мне нужно отдохнуть и подкрепиться. – Измира решительно подхватила меня под локоть и повела к дому.

Я нервно оглядывалась, все еще надеясь, что портал домой вот-вот откроется и удастся сбежать из этого пугающего места, но мирейская ведьма настойчиво увлекала меня за собой, словно лишая выбора, чтобы не было пути назад.

Да и какой путь, если я в принципе не представляю, где оказалась и как вернуться? Пусть это очередная несусветная глупость, но мне придется довериться… даже не человеку, а незнакомой ведьме.

Успокаивает одно: выглядит она слишком солидно и обессиленно для кровавых ритуалов над бедными попаданками. Случись страшное, есть вероятность, что я справлюсь с ней физически.

Идя к дому, мы молчали. Я осматривалась. Окружающие поляну заросли выглядели вполне мирными. В стоящем неподалеку сарайчике кто-то большой махал хвостом и фыркал, по хозяйственному дворику деловито расхаживали смешные птицы, похожие на кур, но с длинными усами-отростками под клювами, у стены дома под навесом была сложена небольшая поленница.

Почти обычный деревенский дом – ну, или лесной, – если бы не яркие краски, которых не встретишь на просторах средней полосы России. Но, вполне вероятно, где-то в южных странах – запросто.

Призрачная надежда на чудовищный розыгрыш или идиотское недопонимание теплилась ровно до того момента, как я переступила порог.

Глава 2

Просторная квадратная комната с большой печью у противоположной стены, массивный стол и стулья, несколько широких лавок, пара заполненных шкафов-стеллажей, вдоль балок висят пучки трав. Рядом с печью я заметила дверцу – наверное, в соседнее помещение – и узкую лесенку на чердак.

– В доме три жилых комнаты, если тебе интересно, – отметила мое любопытство хозяйка скромного, но ухоженного и чистого жилища со знакомым запахом сухих трав. – Здесь, в передней, я работаю, ем и принимаю гостей, дальше две смежные спальни, благодаря печи там тоже очень тепло. Есть еще купальня, она сделана в естественной пещере, там бьет родник, так что круглый год дом обеспечен водой. Зимой и на улицу выходить не надо, чтобы справить нужду.

Пока Измира рассказывала, я краем глаза заметила глазастое облачко, робко выглядывающее из-под стола. Пришлось даже нагнуться, чтобы проверить, не мерещится ли мне.

– Это Бьо, – усмехнулась Измира. – Дух-хранитель дома. К сожалению, вместе с передачей дара он тебе не достанется. Уйдет следом за мной, наши души связаны.

Стоило ей назвать имя духа, он, белесое полупрозрачное облачко, взлетел и радостно ухнул, блеснув глазками-бусинками.

Я невольно дернулась назад и испуганно просипела привиденьицу привычное в моей семье приветствие:

– Мира вашему дому, Бьо!

– Бьо прибирается, помогает в работе, сторожит дом от посторонних. Он незаменимый друг и помощник, умница моя, – поведала Измира, ласково

погладив парящий лохматый шарик… по макушке. Наверное, потому, что никаких частей тела я у него не заметила.

Она кивнула ему, и через несколько мгновений на столе вместо серой гостеприимно раскинулась белая вышитая скатерть, на которую Бьо поставил все для вкусного чаепития: глиняные пузатые чашки, исходящие пахучим паром, тарелочки с вареньем, пирожки и еще что-то, напоминающее овсяное печенье. Словно скатерть-самобранку развернул! Чудеса!

Отыскав взглядом крючок, я повесила на него куртку с сумкой. Одернула черную водолазку и, помедлив секунду – разуваться или нет? – прошла в обуви, как и хозяйка. Робко присела на краешек стула у стола.

Измира жадно, стоя, буквально выхлебала целый кувшин с неизвестным варевом и только тогда, держась за стол, осторожно опустилась на другой стул напротив меня. Отдышалась, прикрыв глаза, и затем вновь обратила внимание на меня.

– Вам хоть получше стало? – осторожно спросила я, опасаясь за ее состояние. Ведь она единственная, с кем я в этом мире знакома.

– Да, чуть лучше, дышать уже легче, – устало, едва заметно улыбнулась Измира. – Ритуал полностью осушил меня, к тому же забрал внушительную часть жизненных сил. Восстанавливаться придется долго. Откровенно говоря, затевая призыв, я даже не думала, что на Мирее не найдется подходящей ведьмы и ритуал раскинет сеть настолько далеко за его пределами. Так далеко, что я едва выжила, вытягивая тебя сюда. Смешно сказать, затеяла ритуал, чтобы сохранить душу, дар и наследие, а в итоге чуть сама душу миру не отдала.

– О-о-о! Какой ужас! – хрипло посочувствовала я и, нахмурившись, спросила: – Но для чего все эти жертвы и сложности? И скажите, пожалуйста, как такое возможно, что жители разных миров разговаривают на одном языке?

Измира тяжело вздохнула, откинулась на спинку стула и, снова изучающе разглядывая меня, пояснила:

– Хорошо, о твоем мире мы поговорим позже, а пока я расскажу о своем, чтобы ты успокоилась и перестала бояться. Мирей огромен, здесь живет множество самых разных видов разумных существ. Если я верно поняла, в твоем мире

только один вид – люди?

Я кивнула, и Измира продолжила:

– Здесь люди живут на ограниченной территории, хоть и большой. Они пришли из другого мира, быть может, из твоего, и не являются исконными жителями Мирея, но он принял их. Давным-давно у каждого вида был свой язык, но со временем народы начали смешиваться, и тогда на Мирее родился общий язык. А свои, присущие разным народам языки остались только для совершения древних ритуалов и магических заклятий. Поэтому в учебных заведениях Мирея разделяют направления по видовой магии. Именно из-за различия древних языков.

– Грамотно придумали, – отметила я, вспомнив, сколько же у нас различных языков и как это затрудняет путешествия обывателям.

– Ритуал призыва, который я провела, появился несколько тысячелетий назад, когда еще не было общего языка, а были сотни разных. Поэтому в его основу и легло одно из условий: призванный при переходе через портал получает знание языка призывающего. И некоторый общий, соотносящийся по значению, ряд понятий и вещей. Вполне возможно, они все же имеют различия, но в их основе лежат схожие характерные черты.

– Тоже мудро. Это я оказалась слабосилком из техногенного мира, а вдруг бы вам досталась сильная… хм-м… ведьма? Из-за различий в речи могло возникнуть недопонимание, сомнения в безвредности ваших намерений… Прибили бы друг друга, – покивала я, надеюсь, с необидной иронией.

– И такое случалось, – усмехнулась Измира. – Что касается причины твоего призыва… Я просто хочу умереть.

Я шокированно вытаращилась на нее:

– Это не ко мне, нет!

– В идеале, ведьма может жить бесконечно долго. Но ее можно убить. Способов великое множество: лишить головы или сжечь на костре, хищники в лесу сожрут

или…

– Да-да, я поняла, голову нужно беречь! – содрогнулась я от возможных перспектив.

– Так вот, ведьма может умереть либо по желанию, утратив желание жить, либо насильственной смертью. Если у ведьмы есть сестра, дочь, внучка или правнучка, племянница, на худой конец, после смерти сила просто перейдет по наследству к родной крови. Если род ведьмы сгнил, как твой, если нет следующего поколения родной крови, то ведьма обязана найти преемницу – ту, что сможет принять чужую родовую силу, перенять и продолжить дело. Иначе ведьма после смерти потеряет шанс на перерождение, никогда больше не вернется в мир живых, станет чистой энергией, и ее душа растворится в потоках Мирея. Поэтому я рискнула всем, чтобы найти и призвать подходящую моей силе преемницу. И по этой же причине ты можешь не опасаться меня. Я сделаю все возможное, чтобы достойно подготовить тебя, обучить основам. И только потом, когда ты примешь Мирей как свой дом, освоишься здесь, привыкнешь к силовым потокам нового мира, мы проведем ритуал передачи дара. Тем более ты лесная, как и я, это облегчит нам задачу.

Мне двадцать один год, и все это время я жила рядом с женщиной, имеющей высшее биологическое образование, при этом ведущей образ жизни травницы-целительницы и верующей в старых языческих богов. С одной стороны, я пропитывалась ее верой в магию, дар и наследие. С другой – вела образ жизни обычной, рядовой российской школьницы, потом студентки, ничем особо не выделявшейся из общей массы девушки. Поэтому я так и не смогла полностью проникнуться тем, что прямо-таки с маниакальной уверенностью вдалбливала в меня бабушка – Катерина Яромировна Леснянская. И вот, только этим утром захоронив урну с ее прахом, сейчас я слушаю нечто еще более непонятное, мистическое и, буду честной, крайне любопытное и загадочное. Но страшное!

Меня хватило только кивнуть и глухо заметить:

– Ясно. Но зачем же вам умирать-то… так рано? Всего-то триста двадцать восемь! Вся жизнь, можно сказать, впереди.

– Язвишь? – усмехнулась Измира и одобрила – Это хорошо, скромные долго не живут!

– А бабушка говорила, что скромность девушку украшает и в целом продлевает жизнь. – Раз дали добро на остроумие, надо пользоваться.

– Скромность – признак светлой ведьмы, ее надо тщательно скрывать, чтобы не обнаружили. Так что в данном вопросе твоя бабушка в корне неправа, – без иронии парировала Измира, заставив меня нахмуриться.

– А что, у ведьм есть какие-то разделения по цвету?

Собеседница подвинула мне и себе кружки со все еще горячим отваром, напоминающим по запаху настой шиповника. Первой отпила из кружки, прожевала кусочек какой-то сушеной ягоды и продолжила:

– Магия ведьм особенная, непохожая на другие. У нас нет четкого или обособленного резерва, как у обычных магов-людей или других рас. Ведьма видит и чувствует потоки энергии, они пронизывают ее, наполняют силой. Сами по себе мы различаемся только возможностями впитывать ее, управлять этими потоками, чувствовать. Кто-то – сильнее и полнее, кто-то – наоборот, слабее. Кто-то менее восприимчив… Проще говоря, физическая способность ведьмы поглощать или испускать энергию определяет, насколько у нее сильный дар. К примеру, я вижу, что тебя буквально насквозь пронизывает сила, но ты ее почти не усваиваешь, будто не чувствуешь.

– Или не верю, – шепнула я едва слышно.

Измира грустно усмехнулась, кивнув и тем самым подтвердив мое предположение.

– И такое возможно, ведь сила ведьм – природная, она живая и даже будто разумная, – совсем огорошила меня будущая наставница. – Потом поймешь, о чем я. Так вот, все ведьмы от рождения – светлые. Мы рождены любить: себя, весь мир, все живое вокруг. Оберегаем природную гармонию, именно она наполняет нас магией, жизнью, молодостью. Но всегда и во всем сохранить гармонию невозможно, согласись, Еля. Приходит момент, когда тебя предают. Или когда ты хочешь гораздо большего, чем в силах получить. Большего, чем заслуживаешь. Гармония в душе нарушается или вовсе исчезает – и тогда ведьма теряет силу, перестает видеть потоки, не может насытить свое тело энергией. Начинает стареть. И вот тогда перед ведьмой встает выбор: либо

искать гармонию в душе, справляться с болью, при этом быть слабой и беззащитной, страдать и мучиться, терять молодость, либо обрести жизненный баланс в чем-то другом, к примеру, отказаться от любви, перейти на темную сторону. Ведь Мирей – живой, для равновесия и баланса в нем существуют как Свет, так и Тьма, в которой ведьма может обрести иную форму гармонии, только уже негативную. Убивать, проклинать, помогать злу – любое темное дело, совершенное не во благо, а во зло, тоже усиливает ведьму. Не так, как светлую, совершенно иначе, но это тоже сила, даже более могущественная, чем светлая гармония и любовь. Именно по этой причине многие ведьмы со временем переходят на темную сторону, чтобы выжить.

Измира замолчала, давая мне время проглотить новую информацию. Вскоре я спросила:

– Так почему вы хотите умереть, если другие готовы сменить Свет на Тьму, лишь бы жить?

Ведьма неторопливо допила отвар. Мне показалось, она еще и руки грела о горячую кружку, а не просто тянула время. Ей явно тяжело давался разговор, ведь надо раскрывать душу перед чужачкой из другого мира. Неожиданно она посмотрела мне прямо в глаза и жестко произнесла:

– Хочу дать тебе самый важный в жизни ведьмы совет, Еля. Запомни: всем сердцем ведьма способна полюбить только один раз, так уж мы Миреем устроены. Но если избранник не ответит взаимностью, разлюбит со временем или умрет, ты и сама захочешь умереть.

– Почему? – Я нервно облизнула губы, уж больно жуткий взгляд стал у рассказчицы.

– Любовь – это свет души. А когда чистые и светлые чувства умирают, приходят боль, горечь, злость и ненависть. Нарушается внутренний баланс, и ведьма перестает чувствовать мир, полноценно воспринимать природные потоки. А значит – начинает стареть, но при этом прожить может еще долго, очень долго. Представь, каково это: жить почти вечность, но в беспросветной тоске, отчаянии и немощи? Без любви, без чувств, без надежды…

– Не представляю! – содрогнулась я.

– А вот я знаю, – глухо заявила она. – Я полюбила, и меня тоже. Сильно, пылко, до самой смерти. Словно моя половинка, отражение моих желаний и мечтаний, он был идеален во всем. Грахна убили. Наше счастье длилось недолго, какую-то жалкую сотню лет. Теперь я старею, быстро и неотвратимо. Дальше остаются лишь два пути. Первый – умереть, чтобы отправиться на перерождение, но для этого необходимо передать родной крови или преемнице свою силу. К великому сожалению, у меня нет детей, родных потеряла еще в юности. Второй путь – стать темной. Но мы с любимым прошли брачный, связующий души, обряд в храме богини любви. Если я отрекусь от любви, перейдя на сторону Тьмы, то потеряю шанс на встречу с ним в новой жизни. А я не хочу, не могу даже думать о том, что больше никогда его не встречу, не увижу, не загляну в любимые глаза, не согреюсь в его руках и… Слишком много того, чего «не» без него.

Несчастная женщина резко отвернулась от меня, ссутулившись, словно ей невмоготу держать спину прямо, словно какой-то внутренний стержень не выдержал. Мне самой стало больно, будто ощутила ее чувства. Но она продолжила исповедь:

– Без него я выдержала десять лет. Когда ты прожил столь много, а впереди – еще больше, сложно добровольно принять смерть. Очень сложно… Я думала, выдержу и, возможно, со временем все изменится к лучшему, но уже несколько раз поддалась слабости – подпиталась Тьмой, – призналась Измира. Она машинально провела рукой по голове, приглаживая серебристо-черные волосы, словно именно они выдавали ту самую слабость, те самые темные штрихи в ее жизни.

Мне захотелось поддержать ее.

– Все идет к лучшему, просто иногда отвратительной дорогой.

Ведьма усмехнулась, бросив на меня косой, блестящий от непролитых слез взгляд, и тяжело вздохнула:

– Сомневаюсь, но проверять больше нет сил. Поэтому мне проще умереть, чтобы сохранить связь душ с любимым. В надежде на перерождение и новую встречу.

– Но откуда вы все это знаете? Отчего так уверены, что это обязательно случится? – засомневалась я.

– Я же говорила: сила – разумна. Она передается по наследству либо добровольно тщательно выбранной преемнице. После передачи силы ты получишь знания ушедших за грань ведьм нашего рода.

– Помнить все, что пережили другие? До меня? – ошарашенно пискнула я. – Да это же сразу лучше убиться, чтоб не мучиться…

Измира усмехнулась, снисходительно покачала головой:

– Не нужно. Передаются важные, имеющие практическую ценность знания, а не чувства или события другой жизни. Более того, сила ведьмы – как заботливая наставница. Поможет осваивать наследственные знания неторопливо, постепенно открывая подопечной эту своеобразную сокровищницу, чтобы сохранить и преумножить для будущих поколений.

– То есть, вы хотите передать эту сомнительную сокровищницу мне? – в который раз потрясенно спросила я. – А-а-а… когда?

– Потребуется не менее года, чтобы ты полностью приняла Мирей, ощутила его потоки, освоилась здесь хоть немного, узнала нравы и быт, подготовилась к жизни. Подготовилась принять мою силу, познакомилась с ней, почувствовала и не оттолкнула при передаче. Иначе все мои усилия будут напрасны. Я стану лишь частью Мирея, не получив шанс на перерождение и новую жизнь. На встречу с любимым. Надеюсь, ты понимаешь, насколько важно для меня, чтобы ты полностью и осознанно, а главное – добровольно и ответственно приняла мое предложение? Согласилась помочь.

Измира выпрямилась и смотрела на меня будто сверху вниз, величественная и спокойная, но с такой бездной тоски и боли в зеленых глазах, что мне самой стало плохо. Где-то на задворках сознания дрожал от страха голос разума, судорожно напоминая, что на Земле отец… которому я не нужна, подруги… теперь семейные и счастливые, пустой дом на краю леса и несколько могил… в которых лишь пепел близких и родных… Еще и клятва у бабушкиной могилы. Она-то и заставила согласиться: возможно, где-то там мои любимые родные ведьмочки из рода Леснянских знают, видят, что я сдержу обещание любой

ценой. У меня появилась конкретная и важная цель в жизни.

– Я приму ваше предложение, если вы будете рядом хотя бы год.

– Спасибо! – Плечи Измиры расслабились, словно она тонну с них скинула. – Давай перекусим, немного отдохнем. Потом я познакомлю тебя с домом, хозяйством и прочими делами.

– Хорошо, – с улыбкой согласилась я.

А в мыслях пыталась выбраться из хаоса, что творился в голове. Куда, зачем, для чего и как я до этого докатилась? Что делать и как жить дальше? Столько вопросов, а ответы…

Но самый лучший способ справиться с проблемой, как, посмеиваясь, учила бабушка Катя, – это поднять высоко руку, а затем от всей души махнуть и оставить мудрые решения на потом. Вдруг волшебный авось сам как-нибудь разрулит сложную ситуацию. Вот и я доверилась всезнающему русскому авосю.

Глава 3

Невысокая, крепкая, похожая на мула бело-черная лошадка перебирала мохнатыми ногами и недовольно фыркала, пока мы с Бьо носились вокруг нее по сараю и швыряли друг в дружку пучки сена. Точнее, Бьо летал, а вот я носилась, и оба, увлеченные веселой игрой, азартно пытались достать «противника». Только Моль – вот так странно назвала лошадку хозяйка – наше мельтешение не устраивало. Как и кружившееся в воздухе и оседавшее ей на спину сено.

За три месяца я довольно быстро освоилась в новом мире, вернее, здесь, в укромном лесном местечке. Привыкла к неторопливому укладу жизни и, главное, подружилась с Бьо и его хозяйкой. Скромное, но вполне удовлетворяющее нужды Измиры хозяйство назвала на земной лад – заимкой.

– Ну вы как дети малые! – возмутилась она, застыв на пороге сарая и уперев кулаки в бока.

Мы с духом дома пристыженно замерли, виновато глядя на нее самыми преданными глазами.

Измира не выдержала сурового тона и с усмешкой махнула на нас рукой, уточнив у меня:

– Как сила?

– Куст черники вырастила и даже ягоды появились, – похвасталась я, невольно расплываясь в радостной улыбке.

– Отмечаете, значит? – расслабившись, вернула мне улыбку довольная наставница.

– Капельку. Копим силы на новые подвиги, – хихикнула я, а Бьо тем временем преданно ластился к хозяйке.

Уже на следующий день после моего появления на Мирее Измира серьезно и даже строго занялась моим обучением: внедрением в энергетику магического мира, развитием внутренних ресурсов, каналов и еще массой всего таинственного и загадочного – только успевай запоминать. Настолько загрузила множеством непривычных, увлекательных, а частенько и невероятно тяжелых дел, что мне некогда было скучать и жалеть о прошлой жизни, об оставленных на Земле друзьях и отце. Да и сокрушаться о своем выборе – хотя его-то мне как раз и не оставили, если рассудить здраво – тоже времени не хватало.

Уставшая, лежа в темноте в чужой постели, я первые дни испуганно думала о том, что слишком бездумно поступила, слишком легко приняла новое положение, новую судьбу и расставание с прошлым. Но утро вечера мудренее – очередной фантастический рассвет рассеивал тяжелые мысли, завораживал и манил невероятными перспективами. На Земле у меня даже цели в жизни не было, я, словно муха в желе, застыла, не зная, чем заниматься дальше. Сложно сказать: возможно, духи Земли и Мирея вместе с горячим желанием Измиры обрести преемницу помогли мне изменить судьбу, и я больше ни о чем не жалею.

С первых дней Измира выделила мне часть огорода для выращивания самых разных трав, грибочков, кустиков. Ох, как же я плясала от счастья, когда спустя месяц тяжелых тренировок смогла вырастить петрушку буквально за полдня! Еще приятнее стало то, что эту радость искренне разделила и сама наставница: чуть не расплакалась от облегчения и сказала, что я наконец поверила в свою силу, осознала ее и приняла. Сроднилась с Миреем! И да – она оказалась права: с того дня мне все легче и легче ощущать потоки силы, выращивать травы и уже даже овощи для наших нужд. Помогать ведьме с зельями и отварами для жителей ближайшей деревни, которые за лечение снабжают нас товарами и едой.

Я с благодарностью и светлой грустью вспоминала о том, что годами вдалбливала в мою упрямую головушку бабушка – все оказалось нужным и важным для жизни ведьмы на Мирее. Измира нарадоваться не могла, как ловко и сноровисто я обращалась с собранными растениями, сушила, хранила и готовила для будущих зелий. А ведь когда-то, стыдно признаться, я про себя посмеивалась над бабулей, не воспринимала серьезно ее работу и дар, просто из любви к ней слушала и делала, как она велела. Зато теперь оценила!

Именно наука бабушки Кати помогла нам с Измирой быстро перейти к следующему этапу обучения, пропустив «заготовки», чтобы больше времени уделить развитию дара и личного источника силы. И затем уже приступить к основам мироустройства, традициям и обычаям народов Мирея.

Моя наставница считала, что в моем обучении нет ничего неважного, ненужного и лишнего – все, чему она учила, обязательно пригодится в жизни. Еще Измиру заботила продолжительность моей жизни, чтобы я успела передать знания и родовую силу новому поколению ведьмочек. Тогда род Древесных, в который после ритуала передачи силы войду и я, причем не номинально, а вполне себе реально, получит естественное продолжение. А значит, тем, кто уже ушел за грань, будет проще и легче переродиться вновь: родовая сила с радостью примет обратно. И нет-нет, но наставница намекала не затягивать с продолжением рода, родить себе кровиночку, будущую маленькую ведьмочку.

Единственное, что меня напрягало, – сыновей ведьмы не жаловали, часто и вовсе отдавали отцам, если мальчики рождались вне брака. Ведь только дочери всегда рождались ведьмами, наследуя родовой дар и внешность, сыновьям же доставалась раса и магия отцов, без исключений. За эту особенность ведьмы ценились у некоторых народов Мирея.

– Хорошо, отдохнула и хватит, впереди еще занятие по мироустройству, – наставительно объявила Измира. Она жестом позвала меня за собой и направилась к дому.

Я с грустной улыбкой посмотрела ей вслед: высокая, с прямой спиной, аккуратно одетая и причесанная, спокойная, выдержанная и уверенная в себе женщина. На первый взгляд – кремень, но иногда можно было уловить истинное выражение ее зеленых глаз, спрятанную там боль. Как же тяжело думать, что довольно скоро, уже меньше, чем через год, она умрет! Причем с нетерпением ждет этого, надеется, всем своим существом стремится уйти. Страшно же!

– Ну?! – прикрикнула наставница, обернувшись и отметив, что я и шагу еще не сделала.

Пришлось вприпрыжку догонять и брать ее за руку. Да, частые обнимашки, рукопожатия, просто посиделки и прогулки, держась за руки, – это не проявление дружеских чувств, а необходимый обмен энергией. Я должна как можно чаще и больше впитывать в себя силу Измиры, чтобы срастись с ней, привыкнуть. Но сама она полностью не восстановилась после призыва и не может передавать ее на расстоянии, вот и приходится поддерживать постоянный тесный контакт. Это укрепляет отношения между нами, сближает и по-настоящему роднит.

Не знаю, кем меня воспринимает сама Измира, с учетом того, что живут ведьмы бесконечно долго и при соблюдении пары условий остаются вечно молодыми, я же эту красивую пожилую женщину, напоминающую мою бабушку, воспринимаю как тетушку.

– Бьо, накрой нам перекусить, – распорядилась наставница, усаживаясь за стол и приглашая жестом меня.

– Ой, а мне морсик с голубикой, – попросила я глазастое, парящее у печи белесое облачко.

Затем мы продолжили занятия. Измира раскатала на столе пожелтевшую от времени, всю в темных пятнах карту и начала урок:

– Видишь, как велик Мирей?! Мореходы открыли десять огромных материков, а уж сколько островов – не счесть. – На бумаге была не привычная карта Земли, а действительно несколько материков размером с Австралию, множество островов поменьше, а между ними – моря. Такого понятия, как океан, на Мирее нет. Практически все эти материки так или иначе соединены между собой перешейками, а если и разделены, то узкими водоразделами или вовсе реками. Вероятно, это один большой материк, а не несколько разных.

– Где живем мы? – спросила я, склоняясь над картой.

– Вот. – Измира ткнула пальцем в один из материков, причем с самого краешка. Несколько сантиметров леса и вот оно – море. В реальности до него, наверное, месяц добираться, если не больше.

Дальше наставница начала пальцем обводить места с названиями и территориальными ограничительными линиями.

– Наш дом стоит в Диком лесу на земле Скальда. Видишь, отмечена даже деревушка Чиорика по соседству…

– Ага, рассмотреть эту точку и надпись можно, если у тебя глаз-алмаз или зрение, как у орла, – пробормотала я, рассматривая точки-черточки-загогулины.

– Еля, напоминаю: это ведьминская карта, тренируй свое магическое зрение – и все увидишь, – укоризненно посоветовала Измира и продолжила обводить и перечислять территории.

Я уже узнала, что понятию «город» на Мирее соответствует «гварт». Гварты есть у большинства развитых народов, так уж повелось со временем из-за обобщения языковых форм, а позднее – и государственных. Да, благодаря сильной магической составляющей, Мирей развивается совершенно иначе, чем Земля. На первый взгляд, архаичное Средневековье, но, в зависимости от одаренности народа, есть и значительные достижения. Если я верно поняла Измиру, в городах и у зажиточных селян имеется примитивный водопровод и канализация. Есть даже газеты – информационные листки с горячими новостями. И вместо перьев – привычные землянке карандаши. Передвигаются на гужевом транспорте, но есть и порталы, хоть они и дорогое удовольствие.

Самая распространенная форма государственного управления на Мирее – монархия. Где-то абсолютная, где-то ограниченная сборами старейшин или других «умников» – у разных народов по-разному, но суть-то не меняется. Существует на зачаточном уровне развития и своеобразная республиканская форма управления, но, смешно сказать, у низших рас.

Территории государств – это «земли». И пусть представители разных рас могут поселиться на любой земле, но предпочитают жить своими сообществами. Или хотя бы тесными социальными группами, если уж судьба их занесла к другим соседям.

Дальше прозвучал весьма интересный факт. Коренные жители занимались в основном охотой и собирательством. А вот полноценное животноводство и земледелие на Мирей пришло именно с людьми, которые тысячелетия назад перебрались из другого мира. Теперь у людей монополия на торговлю зерном. Другие расы не занимаются масштабным возделыванием своих земель, предпочитая сохранять их нетронутыми. Но люди нуждаются в исконных товарах других видов и рас, особенно в магических артефактах и исцеляющих зельях. Вот они-то всегда и везде – самый ходовой товар.

Местная домашняя живность лишь незначительно отличается от знакомой мне. Поэтому я все больше склоняюсь к мысли, что люди пришли на Мирей из моего мира, приведя с собой привычный скот и домашнюю птицу. Уж слишком много сходства. Вероятно, со временем и под влиянием магии нового мира произошли изменения или мутации. Даже светило Мирея люди называют солнцем, хоть и произносят немного иначе, проглатывая часть звуков.

Измира продолжала лекцию:

– Именно на земле Скальда несколько тысяч лет назад появились первые люди. Потом они расселились. Исторически эта часть материка была свободна. Со временем образовались новые земли: Урна, Даовица, Тюрила, Хеймица. Кстати, настоятельно рекомендую не посещать землю Хеймица. Уже лет двести там лютует орден Света, к ведьмам он очень недружелюбно настроен, да и всех инородцев не жалует. Десять лет назад я была там проездом, тогда последние нелюди снимались с насиженных мест.

– Может, за десять лет что-то изменилось?

– Сомневаюсь, – отрезала Измира.

Я пожала плечами и задала волнующий вопрос:

– Сколько вообще рас… или видов разумных жителей на Мирее?

Наставница снисходительно улыбнулась:

– Думаю, тебе сложно представить, что в мире живут не только люди. На самом деле Мирей создал и приютил десятки разных рас. Магических и нет. Похожих и не очень. Совместимых и нет. Сильные магически расы, особенно рожденные Миреем – их еще называют старшими, – способны полностью трансформировать свои тела, причем даже размеры их форм могут не совпадать. Есть человекообразные крылатые расы, к примеру, ирлинги, есть ползающие, как нагшары, – прекрасные любовники, но для ведьм – пустышки, потому что рождаются из яиц. Сейчас практически не осталось свободных, не освоенных кем-то территорий, и каждая раса бережет свои. Большая часть этого материка занята людьми, иные живут за Серыми пределами…

– Серые? Что за пределы? – Меня разбирало любопытство.

– Горный край на юге. Видишь, он обозначен на карте гористой местностью?

Я кивнула, и наставница продолжила:

– Многие старшие расы издревле предпочитают ночной образ жизни, они хищники… охотники. Поэтому и бодрствовать предпочитают после полудня и до утра. За «сумеречный» образ жизни их земли и назвали Серыми пределами.

– Ясно. Ты сказала, что людей меньше, чем других рас, но постоянно ворчишь на нас…

– Еля, я же объясняла, что ты не относишься к чистокровным людям, хотя в тебе и течет их кровь благодаря мужчинам этого вида. Ведьмы – другая раса, благодаря магии и особенной связи с духами или, по-вашему, душами миров. Благодаря нашей магической особенности, со многими видами мы способны создать семейный союз и даже получить потомство. Но и при смешении крови не

перестаем быть ведьмами. Неважно, сильный в нас дар или слабый.

Под хмурым взглядом наставницы я поправилась:

– Прости, я помню, что ведьма, но привычки сложно так быстро изжить! Скажи, почему ты выбрала именно Скальд и соседство людей? Тем более что люди не всегда благожелательно, вернее, терпимо настроены к ведьмам?

Измира посмотрела вновь на карту, посверлила ее взглядом, и, видимо, подобрав слова, пояснила:

– Люди – предсказуемое зло, более слабый противник. Они сильнее зависимы от магии, щедрее платят за наши зелья и помощь. И скажу так: несмотря на то, что люди боятся ведьм, а в некоторых землях и охотятся на нас, здесь нам живется сытнее. Легче обезопасить себя и жилище, пустив жуткие слухи или угрожая смертельными проклятьями. Люди на редкость суеверны. Проще строить отношения с их мужчинами – они недолго живут, более уязвимы, менее зациклены на своих женщинах. Ими легче управлять и бросать при необходимости.

Я вытаращилась на Измиру после ее откровений, а потом, облизнув губы, уточнила:

– Ну и что хорошего в том, что они меньше живут и уязвимы?

Наставница, поджав губы, укоризненно качнула головой.

– Еля, ты же мудрая елочка. Ну вспомни, что я говорила раньше. Любовь – смертельно опасное удовольствие. Не каждая ведьма может его себе позволить. Поэтому мы предпочитаем временные связи. В лучшем случае, для продолжения рода. А так… Попользовалась, насладилась новизной – и забыла, как о ненужной вещи. Это в идеале. А в жизни случается разное. Бывает и такое, что попадется влюбленный, настойчивый, сильный и жадный мужчина – будешь у него «любимой женой» под семью замками сидеть. Повезет, если окажется смертным, у людей даже сильные маги живут не более трехсот лет. Пару десятков годков помучилась в кандалах семейного «счастья» – а потом окрыленной радостью вдовой вернешь себе свободу. Если же случится кто-то из старших рас, учти: те тоже практически бессмертны. У них есть проклятие – истинная пара. Вот

встретишь такого нечаянно или по глупости – и все! Тебе конец!

– Почему? Они не терпят ведьм в качестве истинных пар? Убивают?

Измира снисходительно закатила глаза.

– Шутишь? Да они залюбят тебя до смерти! Так, чтобы ты ни о какой свободе и побеге даже думать не смогла. И вечность – причем реально вечность! – будут держать свою ведьму при себе. Замучаешься ждать, когда же этот навязанный судьбой тюремщик отправится за грань. Самостоятельно или с чьей-нибудь помощью.

Я осела на стул, забыв о карте и таращась на наставницу. Вот вроде всегда доброжелательная, уважительная, но бац! – и как выдаст что-нибудь убийственное… И думай, что хочешь.

– И часто представители э-э-э… старших рас находят в ведьме свою истинную пару? – уточнила я. А потом все же добавила: – Ну что в этом плохого? Они настолько отвратительные мужья? Или… изменяют и…

– Девчонка! – неодобрительно хмыкнула Измира. – Иные – малочисленные расы, хотя в целом их достаточно много. Их главная проблема – поиск идеальной половинки или истинной, потому что искать такую приходится веками, и не каждому везет. Благодаря своей необычной магии, после нужного ритуала ведьмы могут стать той самой идеальной половинкой мужчин большинства рас. Мы подходим не всем, но многим. Поэтому большинство ведьм предпочитает селиться среди людей и не соваться к старшим расам. Мы слишком независимые и свободолюбивые.

– Как сложно… страшно быть ведьмой, – тихо пробормотала я, придавленная грузом неординарных сведений из разряда «в каждой избушке свои погремушки». Только «избушка» теперь размером с континент.

Моя бабушка прожила долгую, по меркам людей, и счастливую жизнь. С дедом они встретились еще в университете, сразу поженились, а вот с ребенком долго не получалось. Но бабушка говорила, что дед ни разу в жизни ничем ее не попрекнул, не ходил налево, во всем помогал, и ему было плевать на чужое мнение по поводу «особенности» любимой, «занимающейся шарлатанством». И

мама моя, как опять же говорила бабулечка, пусть и не грезила влюбиться, но мечтала встретить того, кто примет ее такой, какая есть. Мои подружки, о которых я тосковала, отец и его жена, в принципе, заботливая и добрая женщина, – все обрели в семье любовь и счастье. Я с рождения воспитывалась в любви и заботе, на традиционных семейных ценностях, мы, россияне, такие. Как же сложно понять и воспринимать другую ментальность…

Измира, скрестив руки на груди, внимательно меня изучала. Я давно рассказала ей про земные технологии, родные обычаи, традиции и уклад, поэтому она в курсе моих трудностей принятия чужих основ и правил.

Наконец наставница поделилась своими опасениями:

– Чувствую, за год из тебя приличной ведьмы со здоровым цинизмом не вырастишь.

Я виновато пожала плечами – сама же согласилась стать ведьмой, переняв чужой дар – и, поморщившись, буркнула себе под нос:

– Какая есть.

– Ладно, будем исходить из того, что имеется в наличии. Продолжим знакомство с миром, – неожиданно мягко и заразительно усмехнулась Измира. – Так вот, люди долго не живут, а ты – бессмертная.

– Теоретически, – заметила я с улыбкой.

– В идеале – да. Но повторюсь: люди долго не живут. Это помимо других свойственных им недостатков. Суеверны и лживы. Зато с ними проще договориться и легко запугать, чтобы обходили ведьму стороной. И дочерей лучше рожать от людей. Мужчины в основном привязаны к сыновьям, поэтому, если тебе не повезет родить мальчика, оставишь младенца отцу и пойдешь своей дорогой.

Я промолчала. Ну уж нет, своего ребенка точно никому не отдам. Решила некоторые «земные» мысли оставлять при себе. Незачем ведьме, которая умрет через год, выслушивать мои «фу». Лучше попробовать сменить тему «мальчиков

и девочек».

– Понятно. А если случайно встретились не люди?

– Чтобы встретить иных, тебе придется почти два месяца добираться до Серых пределов, так что «случайности» практически исключены.

Наставница приподнялась и кончиком ногтя опять для наглядности провела линию на карте – разделила земли людей и иных.

– Но жизнь длинная, а природное ведьминское любопытство и непоседливость толкают на безумства. К тому же случается и так, что приходится срываться с насиженного места и рвать когти по самым разным причинам: охотники возьмут твой след, вражина какая-нибудь заведется, народные настроения сменятся. Вот тогда самое безопасное место будет среди старших рас. Они ведьм уважают и ценят. Но есть малоприятная вероятность, что среди них найдется желающий обзавестись личной ведьмой и создать с тобой семью. И тогда будь готова к тому, что придется «наслаждаться», – это слово Измира выделила с особенным ехидством, – только своим супругом. Старшие расы в большинстве своем – хищники, махровые собственники, излишне агрессивные, темпераментные, чудовищно самовлюбленные, ревнивые, упертые, непримиримые, хитрые, коварные…

– В общем, почти как сами ведьмы, да?! – хихикнула я.

Измира открыла рот, чтобы возмутиться, но, немного поразмыслив, расхохоталась. Причем впервые смеялась так легко и свободно, даже Бьо восторженно замер, глядя на хозяйку.

– В чем-то ты права, – ответила она, наконец успокоившись.

Дальше Измира, приподняв руки, несколько мгновений всматривалась в свои пальцы, на кончиках которых искрила магия. Да, хорошее настроение улучшило восприятие магии, и это стало заметно. Затем наставница встала, скрылась в своей опочивальне, а через минуту торжественно водрузила на стол неожиданно огромную и толстую книгу в коричневом кожаном переплете. Древнюю, в чем не было сомнений. Я бы сказала – старую, как сам Мирей.

Кожаный переплет потемнел, покрылся складками, словно морщинами, а посередине эти складки застыли в подобии высокомерно и недовольно искривленных толстых губ. Эта ассоциация со ртом была столь удачной, что я даже протянула руку, чтобы коснуться книжных «губ», но наставница легонько шлепнула меня по пальцам.

– Знакомься, это гримуар рода Древесных. Его начали писать еще на заре времен, когда появлялись первые ведьмы. У каждого ведьминского рода существует свой, уникальный. Именно гримуары – хранители знаний рода, отражение силы и главный помощник ведьм.

– О-о-о, – восторженно протянула я, разглядывая занятную книгу.

– После передачи силы он будет твоим наставником, поделится знанием, откроет тайны рода. Но как любой хороший учитель, заставит потрудиться, чтобы добыть полезные сведения. Поэтому наследие рода будет открываться тебе постепенно, по мере необходимости или для выживания. Для защиты. Но, прежде чем обратиться к гримуару, ты должна уже сейчас поделиться с ним своими знаниями. Отдать что-то полезное, новое, не известное ему ранее. То, что может пригодиться будущим поколениям ведьм рода Древесных. И чем больше нового ты вложишь в гримуар, тем больше важного и полезного получишь в ответ. Таким образом и происходит обучение и обретение знаний.

– Любопытный обмен, – уже без восторга отметила я. – Но чему может обучить древнейший артефакт попаданка из другого мира?

– Подумай, у тебя вся жизнь впереди, – пожала мое плечо Измира и открыла гримуар посередине.

Перелистнув исписанную страничку, она с любовью и благоговением провела пальцами по чистым, без единой буквы, листам.

– Подожди, я сейчас вернусь, – сказала, о чем-то вспомнив, наставница и вновь ушла в соседнюю комнату.

Я хмуро глядела на ведьминский аналог библиотеки и архива и прикидывала, чем бы таким интересным с ним поделиться, с учетом того, что он создан «на заре времен». Бьо подмигнул мне глазом-бусинкой и улетел за хозяйкой, а я

решилась на авантюру или, откровеннее сказать, на глупую хитрость. Взяла карандаш и на желтоватом гладком листе вывела: «Самое надежное приворотное зелье – это борщ!»

Я успела выпрямиться и ухмыльнуться, довольная собой, когда тяжеленный фолиант с грохотом и весьма зловеще захлопнулся. Послышался весьма характерный звук вырываемой страницы, потом громкое смачное жевание, а дальше тот самый «рот» на обложке, к моей полнейшей неожиданности, плюнул комком из жеваной страницы мне прямо в глаз.

Ойкнув от боли и прикрыв правый глаз, левым я вытаращилась на гримуар, губы которого сложились в презрительно-возмущенную гримасу. Всем своим видом этот древний талмуд демонстрировал свое отношение к моим «ценным» знаниям.

Вернулась владелица гримуара и сначала недоуменно воззрилась на меня, а потом, заметив комок бумаги на полу, подняла и, развернув, прочла. Хохотнув, она весело пояснила:

– Еля, записывать в него свои мысли, рецепты, новости или знания может только принятая в род ведьма. Тебе же пока дозволено только вложить свои знания на отдельном листике. Если их сочтут полезными и достойными внимания, то благосклонно примут.

Потерев глаз – там, елки зеленые, скоро фингал появится, – я решила добиться уважения от древнего фолианта. С минуту подумав под насмешливым взглядом наставницы, ринулась записывать очередные перлы, но уже на отдельном листике:

«При ритуале призыва преемницы силы стоит учитывать, что расстояние до мира Земли, где, несмотря на отсутствие магии, есть ведьмы, требует годового запаса энергии и четверти жизненных сил некогда сильной ведьмы, потерявшей жажду жизни».

Перечитав текст, я осторожно, отклонив голову, чтобы бумажным снарядом снова в глаз не зарядил, приоткрыла гримуар и сунула в него листочек. А потом с замиранием сердца подождала, пока он «распробует» информацию. Уже успела испугаться, когда губы искривились от высокомерного сомнения в ее

качестве и ценности, но, услышав звук легкой отрыжки и отметив, как рот расслабленно замер, довольно станцевала лезгинку.

– Он принял, принял ее! – прыгая, радостно кричала я.

Наставница улыбнулась, снисходительно покачала головой и призвала меня к порядку:

– Все, мои дорогие, повеселились – и хватит, впереди еще слишком много работы.

Я же заволновалась.

– А если этот переносной интернет в комплекте с важным архивом украдут?

Измира в недоумении вскинула брови, но, поймав брошенный мной на гримуар обеспокоенный взгляд, пояснила:

– Родовой гримуар невозможно украсть. Он – отражение нашей силы и в любой ситуации вернется к своей владелице. Сначала просто заучим заклинание, а позднее, когда ты примешь мою силу, сможешь открывать пространственный карман, где можно хранить все самое ценное и важное. Особенно гримуар. Поэтому не бойся, ведьму невозможно обокрасть, только использовать.

– В любом случае гримуар – это огромная и вкусная плюшка, – хихикнула я и, посерьезнев, преданно посмотрела на наставницу. Мол, продолжаем заниматься.

Глава 4

Багровая трава холодила и колола босые ступни – без обуви я ходить не привыкла. В утренних сумерках разворачивающееся на поляне действо выглядело немного размытым, но оттого не менее фантастическим. Фиолетовые кроны деревьев и ветви кустов сегодня, казалось, замерли, не смея шевелиться, чтобы не нарушить таинство, которое началось в предрассветный час на

спрятанной от чужого глаза поляне. Темный, почти изумрудный небосклон прочертила золотая стрела сгорающего в атмосфере метеорита. Сияющие на небе диски других спутников не давали забыть, что я не на Земле, а в ином мире. Больше года на Мирее…

Посреди поляны был установлен огромный ритуальный котел, в котором трещали поленья, выстреливая искрами. Костер – словно огромный цветок с лепестками пламени. Мы с Измирой, облаченные в серые домотканые рубахи до колен и без рукавов, босые, с распущенными волосами, смотрели друг на друга.

Мое год назад модное короткое каре-боб отросло чуть ниже плеч, а длинные, до ягодиц, полосатые волосы Измиры разметались по плечам и спине. Отблески костра играли на напряженном лице наставницы, делая его черты зловещими. В ее глазах блестел страх и волнение. Она попыталась убрать волосы назад и замерла, разглядывая черную прядь. Потом нахмурилась и перевела взгляд на меня. В нем горела бездна сомнений и тревоги, но это длилось лишь мгновение-другое. Затем она моргнула, и все исчезло. Мне могло просто почудиться.

Краешек светила показался на горизонте, меняя окраску неба, размывая изумрудный тон, щедро добавляя светло-голубой. Измира начала ритуал, к которому мы усиленно готовились год и два месяца. Под негромкий речитатив заклинания она размеренно покрывала обнаженные участки моего тела рунами из охры.

Скоро я уже походила на расписанную индийскую невесту.

Затем такую же роспись я нанесла на тело наставницы под ее монотонный голос. Небо светлело, менялось, а мы, сцепившись пальцами над котлом, любовались пламенем, которое ласкало наши сомкнутые руки совсем не причиняя вреда, а будто спекая воедино.

Все вокруг дышало магией, даже огонь трещал и гудел все сильнее, наполняясь силой. Разлетавшиеся искры не жгли, а грели лицо и тело, хотя рубашки постепенно покрывались мелкими прорехами.

Наконец солнце осветило поляну. Именно его мы ждали. Измира до боли сжала мои ладони и сипло спросила:

– Ты готова, Еля?

– Да, – мне хватило сил на глухой шепот.

Мы развернули ладони таким образом, чтобы мои, словно в колыбели, лежали в ее. А уже через секунду обе задохнулись от боли – паривший рядом Бьо проткнул наши руки двумя кинжалами и соединил.

Хотя мы десятки раз проговаривали то, как ритуал должен проходить, чтобы я не ударилась в панику, не прервала его, мне стало дико страшно. Измира громко и надрывно читала вторую часть заклинания, а наша кровь, смешиваясь, сначала капала крупными багровыми каплями, а потом тоненькой струйкой полилась в костер, заставляя его злобно шипеть и одновременно пылать ярче.

«Нельзя сомневаться, нельзя!» – мысленно умоляла я себя, отчаянно трусившую, потрясенную.

Прямо на груди наставницы сформировалась ослепительно сияющая зеленая сфера и настоящим тараном ударила в мою грудь, отбросив от котла. Проткнутые кинжалами руки обожгло дикой болью, но я быстро о ней забыла, потому что следом легкие будто окунули в кислоту. Нет, я вдохнула жидкое пламя, и теперь оно пожирало меня изнутри.

– Прими ее, Еля, прими-и… – звучал где-то на краю сознания надрывный, отчаянный крик Измиры.

Я тонула в жаре и боли, но умирать не хотела, слишком хотела жить. И потому зацепилась за боль, ведь пока мы чувствуем – мы живем!

В какой-то момент боль затихла, будто задумалась. Наверное, признала, что мы с ней знакомы. Нет, даже родные вроде бы. И с этого момента пламя, уже не обжигая, ринулось по венам, наполняя меня до последней клеточки.

Стало нестерпимо жарко. Я рванула рубаху на груди, следом накатила волна примитивной животной похоти, заставив стиснуть бедра и застонать от острой жажды соития.

Неосознанно, подчиняясь инстинктам, я раскинула руки и ноги в стороны, как звезда, и распахнула глаза. В первый момент зажмурилась от ослепительно ярких, почти жалящих окружающих красок: потоки магии, сама энергия мира, пронизывали все вокруг. Затем я улыбалась как блаженная. Боль ушла, похоть тоже покинула мое тело, вместо них пришла любовь. Я не просто любила мир – обожала, боготворила этот чудный мир. И, что удивительно, в ответ на мою любовь хлынула ответная волна от самого Мирея: он тоже полностью принял меня, любил, как родную дочь.

Когда буря эмоций и ощущений улеглась, я почувствовала себя так, будто по мне целый полк прошел парадным строем. Открыв глаза, поняла, что лежу на спине, вокруг – наполненный шумом ветра, щебетом птиц и лесными запахами белый день, а костер метрах в трех от меня уже потух.

Первым делом вскинула… Ой, с трудом подняла руки, чтобы удивиться отсутствию ран. Затем, кряхтя и постанывая, села и оглядела поляну в поиске наставницы. Она нашлась на противоположной стороне от котла, пришлось ползти к ней на четвереньках.

Добравшись до Измиры, я испуганно замерла: это была она, но сильно постаревшая, словно сморщенный чернослив. Древняя старуха! Волосы разметалась по траве абсолютно белым полотном, кожа потемнела и покрылась глубокими морщинами, черты лица стали резче, щеки впали, а глаза, утратившие завораживающее зеленое сияние, стали блеклыми и мутными. При этом в них отражалось ничем не замутненное счастье и облегчение.

Глотая слезы и придерживая за плечи, я помогла дряхлой, измученной Измире сесть. Ласково погладив меня по макушке, она довольно проскрипела:

– Чистота твоей души вытравила Тьму из моей силы!

Вспомнив ее страх при виде черных прядей в своих волосах, я решилась высказать мысли вслух:

– Ты из-за Тьмы сомневалась? Боялась, что ритуал не сработает?

Измира виновато и грустно улыбнулась, а я зависла: было так непривычно вместо гордой и довольно суровой ведьмы видеть эту ссутулившуюся старуху.

– Прости! Меня оправдывает лишь то, что мы обе рисковали. Ты – жизнью, а я – еще и посмертием. Я не хотела пугать тебя. Чем меньше в тебе страха и отвращения и чем больше готовности принять чужую силу, тем выше шанс на удачу. Скажу больше: можно было бы отдать тебе силу простым заклинанием, многие так и делают, но я хотела абсолютного успеха, поэтому провела ритуал по первым, самым древним правилам.

– Почему ты уверена, что во мне нет Тьмы? – Я нахмурилась, глубоко в душе страшась, что она ошибается насчет моей чистоты.

Ведьма неожиданно весело хихикнула. Тонкой иссохшей рукой она приподняла с моего плеча прядку волос и легонечко подергала, чтобы я убедилась: это точно мои волосы.

Какое-то время я изумленно смотрела на них, даже машинально пощупала. Не светло-русые, а рубиновые, как кровь. Мало того, они прилично отросли и теперь прикрывали лопатки! А ведь волосы – естественный магический резерв. Просто так их не отрежешь, не то придется ждать восстановления.

Наставница пояснила:

– Светлую ведьму можно узнать по рубиновым волосам, именно они – отражение чистой крови, не запятнанной Тьмой. Любое злое дело оставляет в волосах темные отметины, черными прядями показывая окружающим, что ведьма познала вкус Тьмы.

– Но ведь рыжих и так много…

– Ошибаешься, Еля! – прервала мой растерянный лепет Измира. – Рыжих, может, и достаточно, но кроваво-красный цвет только у ведьм. Это отличительная черта, по которой другие всегда узнают нашу расу. И определяют, насколько сильно ведьма поддалась Тьме.

Я невольно перевела взгляд на ее белую макушку, еще недавно бывшую полосатой, как у зебры.

– А твои?

– Тьмы я хлебнула немало, но смогла вовремя остановиться. До тебя мои седые пряди были красными, как твои сейчас, напитанными магией Мирея. Просто на призыв ушло слишком много сил. Даже за год без нормальной подпитки или злых дел я не смогла бы вернуть присущий ведьме истинный цвет, а Тьму ничем не вытравить. Вот и была полосатая.

– Ясно, – кивнула я, оглушенная новостями и правдой жизни.

Наставница умолчала об огромном – нет, смертельном! – риске при передаче силы. А ведь я ее уже в любимые тетушки записала, настолько мы сблизились и сроднились.

– Прости меня, – шепнула Измира, словно подслушав мои мысли. Она погладила меня сухой теплой ладью по щеке и, уронив слезу, добавила: – ты была моим единственным шансом на перерождение и новую встречу с любимым. Я надеюсь, когда-нибудь ты поймешь и простишь меня за то, что я промолчала о риске.

Окружающий мир был настолько ярок и прекрасен, что я радостно призналась:

– Знаешь, сейчас мне очень легко тебя понять и простить. А вот если бы я умерла… Вот тогда очень-очень злилась бы на тебя. Буквально вечность не могла бы простить.

Медленно, пыхтя от бессилия, встала и помогла подняться Измире. Качаясь и спотыкаясь, держась друг за дружку, мы побрели к дому. Бьо, неожиданно сильно уменьшившийся и потускневший, встретил нас, душка, дал напиться и проводил отдыхать. У меня при виде этой едва заметной, но уже любимой «тучки» с глазками начинала скручиваться в груди тоскливая пружина. Совсем скоро мы расстанемся. И в этом мире я останусь совсем одна.

* * *

Новый рассвет – и снова костер. Только пылает он не в котле, а пожирает уютный и незаметно ставший мне родным Измирин дом. После ритуала передачи силы она протянула лишь три дня. Я плачу, стоя на коленях, глядя на вырывающееся из окон пламя и зная, что в доме вместе с хозяйкой Бьо, немного

подкормленный моей силой. Удерживает огонь внутри во избежание лесного пожара.

Вскоре дело было сделано. Дом сгорел дотла, но я успела уловить, как махонький посеревший хранитель мелькнул белой вспышкой и исчез, отправившись за грань вслед за своей хозяйкой. Земля вздрогнула и холм обвалился, окончательно спрятав ведьмину могилу. Словно она и не жила здесь много-много лет. Только пара хлипких сараюшек для домашней живности и напоминала о том, что здесь жили люди… ведьмы. Мое временное пристанище зарастет без следа.

Все три дня Измира быстро теряла силы, угасала на глазах, поэтому мы сидели в доме. Бьо тоже слабел, и мне приходилось готовить самой, недаром меня год с лишним приучали к печному быту и походной жизни, чтобы лепешки даже на костре получались пышными. Теперь я очень даже знатная хозяюшка. Наставница полумер не приемлет: либо на отлично, либо лучше не начинай.

Как-то вечером, когда Измира в кресле-качалке наслаждалась теплыми летними сумерками, у меня практически вырвалось признание: «Не хочу жить отшельницей на краю света и обязательно отправлюсь посмотреть Мирей». Тем более в путешествии смогу пополнять родовую сокровищницу знаний и получать нужные в ответ.

Я отметила, с каким облегчением наставница приняла мое решение, поведав в ответ, что дом ведьмы – это часть ее, и отдавать его другой… больно.

Тогда мы принялись составлять план на будущее. Скорую смерть Измиры мы тщательно обходили стороной, обсуждали «потом». Сам дом и его содержимое (включая тело хозяйки) мы с Бьо сожжем, чем поможем и ему с легкой душой уйти за грань, не имея привязанностей.

Попутно мы отобрали все нужные и полезные мне вещи. Под контролем наставницы я создала свой личный пространственный карман и сложила туда собранное добро. Более того, мы подготовили небольшую узкую телегу повышенной проходимости и с высокими бортами. Примерно на четырех пассажиров. На этой повозке мы несколько раз ездили в близлежащую деревеньку Чиорики на «практику» – Измира знакомила меня с жителями Мирея, обычаями и традициями.

В повозку положили не менее «волшебный» мешок с кормом для Моли, теперь уже моей маленькой лошадки. Измира несколько раз напоминала, что мешок хоть и безразмерный, но содержимое само не размножается, его необходимо регулярно пополнять. Иначе не Моль будет везти меня, а я ее. Еще мне досталась палатка из промасленной плотной ткани, в такой не страшно и в ливень, и в холод.

Когда Бьо притащил ее из недр дома, Измира с нежностью посмотрела на темную от времени ткань, вспоминая проведенные под ней жаркие, наполненные любовью ночи с Грахном.

Жутко было осознавать, что живая женщина настолько стремится умереть, чтобы гипотетически переродиться и встретиться с любимым. Да, при наличии магии и вреднючего, наглого, высокомерного гримуара, который с бесившей меня частотой плевался бумажными комками, принижая ценность любых моих сведений, я все еще с трудом верила в это.

А вчера, словно предчувствуя смерть, Измира сделала мне прощальный подарок, на что сама я была не в состоянии решиться: зарубила оставшихся кур. Бьо приготовил их для меня и помог сложить в пространственный карман, чтобы хранились в стазисе. Теперь будет чем питаться в пути.

Поужинали мы плотно, без суеты, запивая сваренным мной пивом, при свечах и под стрекот кузнечиков за окном. Бьо весь вечер норовил коснуться белых волос хозяйки, словно заранее прощался, а во мне все наливалось тяжестью грусти.

Ночью Измиры не стало.

Когда все успокоилось, осела пыль и пепел, вновь зашелестел кронами лес и запели птицы, солнце залило небосвод ярким, оранжево-желтым светом. Я буквально заставила себя подняться. Отряхнула дорожное коричневое платье. Шить меня тоже научила Измира, в жизни пригодится. Тем более благодаря магии – это легко и просто.

Я повязала на голову серый платок, чтобы спрятать волосы, опустошенно оглядела полюбившуюся полянку и решительно направилась к сараю, возле которого объедала кусты запряженная в телегу Моль. Через час я навсегда покинула это место, так же навсегда изменившее мою жизнь.

Теперь я – ведьма. Светлая, сильная, образованная, но молодая и неопытная. Мелькнула мысль, что надо почаще кормить свой персональный интернет – гримуар, а то он неохотно делится со мной знаниями.

Жадина!

Глава 5

Пламя небольшого костра уютно трещит, поедая сухой валежник, которого я набрала еще с вечера. Моль аппетитно хрумкает кормом; опустив морду в ведро и стегая себя по черно-белым лоснящимся бокам длинным серым хвостом: отгоняет мошкару. Узкая одноосевая телега, с легкостью преодолевавшая ухабы и бездорожье, тоже отдыхает неподалеку, внутри магического контура. Я создала его вчера для защиты своего лагеря. Поют птички, шелестят фиолетовой листвой деревья, все проникнуто покоем и магией. Причем магический фон меня с вечера беспокоит, слишком яркий и пьянящий, с отчетливым флером радости.

Сидя на бревне у костерка, я неторопливо жевала толстый бутерброд с вареной курицей из запасов моего пространственного кармана, уныло думая о том, что надо бы заехать в ближайший город-гварт и купить продуктов. Как показала практика, охотиться даже на кур в собственном дворе я не способна. По мнению Измиры, неспособность убивать даже ради пропитания – не от моей излишней светлости и доброты, а больше из-за чрезмерной мягкотелости и инфантильности. Обидно, конечно, но в душе я была с ней согласна. Как дитя техногенного и развитого мира, я привыкла покупать мясо в магазине и готовым к употреблению. А взять и свернуть шею питомцу, которого до этого месяцами кормишь… Невыполнимая задача.

Помимо озабоченности оскудевшими запасами, мучит душевная боль: всего неделя прошла после смерти Измиры, слишком свежи воспоминания, снова одолевают мысли о родных на Земле, и одиночество только усиливает угнетенное состояние. А ведь грустная ведьма – это слабая ведьма. Нужен какой-то положительный заряд для равновесия, а у меня даже вареная курица вот-вот закончится. Хорошо, что укромный лесной уголок, куда я вчера

специально забралась, чтобы отдохнуть и спрятаться от любых случайных встреч, помогает успокоиться, найти внутренний эмоциональный баланс.

Глядя на пламя, время от времени выстреливающее искрами, я вспомнила, как радовалась Измира перед смертью. Она была непоколебимо уверена, что там, за гранью, ее ждет светлое будущее и встреча с любимым в новой жизни.

Я подумала о ней с теплом, растопившим тоску и боль. Следом в памяти всплыла информация, которую она сообщила еще в начале моего переселения на Мирей. По крови я Леснянская, но, сроднившись с силой Измиры Древесной, вступила и в ее род, объединив две ведьминские ветви. А значит, будучи наследницей и продолжательницей обоих родов, однозначно перетяну души своих родных на Мирей. В будущем они переродятся именно здесь, если я не подведу. Так что у меня появилась ответственность и дополнительный весомый стимул продолжить смешанную линию Леснянских-Древесных.

О продолжении рода я обязательно подумаю, но тогда, когда сделаю «карьеру» и буду уверена, что смогу защитить своих детей. Ох, и тяжела же ответственность! Но я постараюсь. Справлюсь. Тем более Измира обеспечила мне более чем безбедное существование на старте – в пространственном кармане у меня много золота. Хватит, чтобы лет десять прожить без заработков. Если жить скромно, конечно.

Путешествую я больше недели; кому-то может показаться, что это бессмысленное занятие, но цель у меня теперь есть: посмотреть мир, научиться чему-то новому. Как говорили на родине – людей посмотреть и себя показать. Стать сильной и опытной ведьмой, способной хорошо жить в новом мире. Мне пока и этих задач достаточно, ведь жизнь у ведьмы, при удаче и мудрости, длинная. На многое хватит! Надеюсь.

Тем временем, вопреки большей частью невеселым думам, общий магический фон беспокоил меня все сильнее. Отвлекал от размышлений о жизни. Слишком радостный, он будоражил, разжигал любопытство. Я впервые ощутила нечто подобное извне. С раннего утра, занимаясь делами, нет-нет да и крутила головой, пытаясь уловить, откуда исходит этот занимательный поток.

Пока запряженная Моль объедала ближайший куст, я набрала в дорогу воды из родника и сложила вещи в телегу. Осталось самой на нее забраться и отбыть с

гостеприимной полянки. Ну и спрятать слишком яркие, приметные волосы под серым платком. Кардинальная смена имиджа из русоволосой блондинки в кроваво-рыжую ведьму еще больше подчеркнула мои природные достоинства – изумрудно-зеленые глаза и молочную кожу.

Но до платка дело не дошло – вокруг меня буквально зашкворчала чья-то магия, разбрызгивая капли радости, как жир на раскаленной сковородке. Применив ведьминское зрение, я аж зажмурилась, настолько окружающее пространство оказалось пронизанным разноцветными потоками. Каждый из них, касаясь, звал меня за собой. Терзал любопытством, зажигал кровь азартом разгадать лесную тайну.

Где наша не пропадала?! Моль с телегой в защитном контуре, через него никто не пройдет, не навредит, самые ценные вещи всегда при мне, в пространственном кармане. Поэтому я без долгих раздумий шагнула в фиолетовые заросли, ориентируясь на магические потоки. Ступала мягко и бесшумно, как учила Измира, используя ведьминскую силу, чтобы ветки, будто специально тормозящие мое продвижение, разошлись и не цеплялись за одежду и волосы.

Вскоре я выбралась на поляну. Неожиданно большую, щедро залитую светом и заросшую крупными, яркими, красно-желтыми цветами, похожими на огромные герберы. Именно от этого восхитительного места исходила не дававшая мне покоя мощная магическая волна счастья и радости. Я даже слегка задохнулась, жадно и полной грудью хлебнув этого густого аромата. Невольно расплылась в улыбке: «Какая красота!» И дальше, затаив дыхание, рассматривала жителей этой удивительной поляны. Махоньких, с детскую ладошку, человечков в ярких нарядных платьицах и костюмчиках, с прозрачными, как у стрекозы, крылышками, порхающих над цветами. Золотоволосые, с удлиненными юными личиками, длинными остренькими ушками и любопытными сияющими глазками. На миг мне показалось, что попала в сказку про Дюймовочку.

Явно благодаря щедрости гримуара в голове всплыла информация, что это лесные феи – исчезающий вид. Хорошенькие ушастенькие «Барби» и «Кены» не заметили меня на краю поляны, поэтому я с жадным любопытством, во все глаза наблюдала за ними. Малюсенькие ребятишки носились в воздухе, осыпая друг дружку золотой пыльцой, взрослые степенно летали, кто с ведерками, кто налегке, кто-то общался и весело хихикал – такие легкие и прекрасные.

– Ведьмочка! – раздался разноголосый детский писк, а следом над поляной взметнулся золотистый испуганный вихрь.

Ко мне феи подлетели вполне дружелюбно, скорее, тоже любопытствуя.

– Мира вашему дому! – Весело улыбаясь, я вежливо поклонилась дивному народцу. Абсолютно безобидному, как светлые ведьмы, практически беззащитному, поэтому и прячущемуся от всех.

Вдруг небо резко потемнело. Со зловещим шумом налетела огромная туча, следом на поляну будто обрушился черный ливень. На миг я остолбенела от ужаса: меня стремительно накрыло живой, шевелящейся массой огромных насекомых, похожих на саранчу, но еще крупнее и страшнее. Особенно ужаснули их выпуклые фасеточные глаза перед моим собственным носом.

Разведя руки и беспомощно подвывая от страха, я таращилась на стрекочущую серую массу, омерзительную и нескончаемую, не в силах ни завизжать, ни отмахнуться.

Ясность мыслям и былую решительность вернул отчаянный писк маленького народа. Ужас и боль, страдания и смерть – прожорливая саранча накидывалась не только на прекрасные цветы, жуткие насекомые нападали и на фей. Завязался кровавый бой, точнее, бойня, ведь саранчи было в сотни раз больше, чем маленьких крылатых существ. То и дело вспыхивали яркие золотые ураганчики, которые отбрасывали насекомых от очередного цветка-домика, где в ужасе жались или сражались маленькие феи. Но насекомые давили массой, под которой склонялись к земле самые стойкие цветы и падали в траву феи.

Этот кошмар заставил вспомнить, всколыхнул мою магию, даже гримуар откликнулся. За несколько мучительно длинных мгновений, глядя на погибающих фей, я создала огромный силовой купол, чтобы защитить маленьких жителей и уничтожить захватчиков. Вскоре вся саранча, оказавшаяся под магическим куполом, осыпалась пеплом на встрепенувшиеся яркие головки цветов, а оставшаяся снаружи – сгорала, стоило ей его коснуться. Извести всю стаю прожорливых насекомых я бы не смогла, ведь Мирей и боги зачем-то создали этих тварей. Поэтому погибали только те, кто стремился проникнуть под купол и убить фей.

Черная туча из насекомых еще некоторое время повисела над куполом и полетела дальше, а жители цветочного городка дружно занялись ранеными. Слава богу, никто из фей не погиб, но многие заметно пострадали. В моей помощи они не нуждались – успешно и быстро справлялись собственными силами. Тоже к счастью, ведь дальше меня хватило лишь на то, чтобы нервно и суетливо стряхнуть с головы и платья пыль… фу, оставшуюся от саранчи. Успешно я позитив в жизни ищу…

Вскоре вокруг меня порхали десятки запыленных, но по-прежнему деятельных и ярких человечков.

– Благодарим тебя за спасение, госпожа! – запищала небольшая делегация феечек под предводительством неожиданно пожилой дамы. – Ты самая добрая и красивая ведьмочка!

Не знала, что дивный народ стареет. Возможно, как и ведьмы, когда теряют любовь или смысл жизни. Эх, жаль, вреднючий гримуар молчит. Стало стыдно. Стою тут столбом, даже помощь раненым не предложила. Поэтому, неуверенно махнув феям рукой, я промямлила:

– Да не за что.

– Если оставишь нам этот замечательный купол, будет за что… – вкрадчиво предложила пожилая фея, подлетая ближе, с надеждой заглядывая мне в глаза и попутно роняя золотые искорки своей магии.

– К сожалению, я только учусь и не знаю, как превратить этот купол в постоянную защиту. Совсем скоро он растает…

Множество потрепанных и даже в запекшейся крови фей обоих полов облепили меня со всех сторон. Несколько самых отчаянных и смелых сели на мои плечи и макушку. Такие милые и очаровательные, что я даже дышала осторожно, чтобы не спугнуть. И растерянно улыбалась.

Особенно настойчивой оказалась пожилая крылатая дама в чопорном синем платьице до колен и белом передничке, явно старожил, возглавляющий цветочное поселение.

Она мягко и убедительно предложила:

– Попроси гримуар, он тебя непременно научит.

Я невольно тяжело вздохнула, но… Почему бы не попытаться уговорить его? Мне не трудно, уж если помог защититься от саранчи. Я достала гримуар из пространственного кармана, аккуратно положила его на травку между цветами и под внимательными взглядами затаивших дыхание фей попросила поделиться знаниями. Феи, с надеждой зависшие надо мной, смогли в полной мере насладиться возмущенно-презрительным гневным выражением губ «библиотечного фонда» в ответ на мою мольбу о «халяве». Заодно я достала и листики с карандашом, чтобы его подкормить, но, как назло, в голову ничего умного не шло.

– Нужно дать ему что-то взамен. Полезное, ценное, мудрое. – Кажется, я даже смущенно покраснела от собственной беспомощности – сама-то ничего из перечисленного дать не смогла.

– Ой, да это мы быстро, госпожа ведьма, это мы легко… – радостно запищали феи и дружно уточнили: – Вы его кормите знаниями, записанными на этих листиках?

Не успела я кивнуть, как бумагу стремительно разобрали. Через минуту феи начали складывать обратно листочки, уже заполненные волшебными рецептами и полезными сведениями. Только успевай скармливать гримуару фейские полезности! Наконец он, явно переев, сыто рыгнул, довольно улыбнулся и начал выдавать необходимую информацию. В первую очередь, конечно, о создании полноценного защитного контура для лесного поселения фей от любых угроз. До полудня я елозила в траве, ковыряясь в земле и рисуя руны, напитывая их магией. А потом устало, но довольно выдохнула, отряхиваясь от пыли, травы и веточек:

– Принимайте работу, хозяева!

Мало того, что помогла удивительному народцу, так еще и подкормила гримуар, чтобы поделился сведениями о мире, некоторых ритуалах и зельях. Без фей бы я долго собирала для этого гурмана-привереды еду в обмен на нужные мне знания.

– Ведьмочка, душечка-красавица, самая добрейшая из светлых! Мы благодарны тебе за спасение и защиту и от души хотим ответить тебе добром! – торжественно прощебетала пожилая дама с сияющими крылышками, порхая перед моими глазами. Остальные феечки летали рядом, одаривая меня улыбками.

Я хотела вновь сказать, что не за что, а потом вспомнила наказ Измиры: «Ведьма – это не только дар, но и характер, мы всегда берем плату за свои услуги. Посильную, если ты светлая, и неподъемную морально или физически – если темная».

Поэтому скромно поблагодарила:

– Спасибо, милые феи!

Через минуту мне торжественно вручили кусочек мыла, изумительно пахнущий луговыми травами, но такой крохотный, что я опасалась его уронить. Наверное, я выглядела слишком смешно, принюхиваясь и присматриваясь к обмылку на ладони, потому что феи сначала хихикали, глядя на меня, а потом пояснили: стоит мне хоть раз помыться этим мылом, окунув в воду и в свою магию, оно никогда не закончится, будет подпитываться капелькой моей силы. И после стирки моя одежда станет всегда пахнуть цветами.

Откровенно говоря, этого чудесного подарка мне было более чем достаточно, но глава поселения, неожиданно вновь подлетев к моему лицу, строго заявила:

– Знаешь ли ты, ведьмочка, что феи могут исполнить любое желание того, кто заслужил его? Мы пришли к единому мнению: ты точно заслужила исполнение одного, самого заветного. Поэтому подумай тщательно, чего ты хотела бы для себя? Самого-самого.

Я задумалась: ну действительно, чего мне хочется такого невероятного? Вернуться домой на Землю? Нет, меня там больше ничего не держит, никто не ждет. Тем более обещала бабушке стать настоящей ведьмой, а Измире – продолжить род. Надо держать свое слово. К тому же, дорогу обратно знает только Мирей.

Любви? Нет, Измира так запугала меня последствиями неразделенных чувств, что о любви я пока точно не мечтаю. Хочется сначала насладиться радостями жизни.

Счастья в жизни? О да, вот что мне точно не помешает! Поэтому, довольная принятым решением, я встрепенулась и попросила:

– У меня одно желание: хочу найти свое счастье.

Крылатая старушка довольно и даже поощрительно кивнула, разгладила свой передничек и махнула остальным крохотной ладошкой, привлекая к действу. Вскоре все вокруг засверкало махонькими сияющими искорками. Они вылетали из груди множества собравшихся возле меня фей и закручивались в настоящий золотой вихрь. А через минуту он словно взорвался у меня над головой, осыпав искорками, как блестками, с головы до ног.

Я сочла, что счастьем меня уже одарили, но поспешила с выводами. Блестки собрались в хоровод, закружившийся надо мной, заставив задрать голову и с улыбкой разглядывать его, а потом бац! – и все вспыхнуло. Моргнув пару раз, я увидела сияющую маленькую звездочку, одну.

– Это путеводная звезда. Следуй за ней, она приведет тебя к счастью, – облетев мой «подарок», напутствовала фея. – И не бойся, кроме тебя ее никто не видит. Она не потеряется, будет с тобой, пока ты не встретишь свое счастье, не осознаешь его.

– Спасибо огромное! – хрипло от переполнявших меня чувств воскликнула я.

– Легкой тебе дороги к счастью! – дружно попрощались со мной феи.

Ну да, загостилась, пора и честь знать. Пожелав еще раз мира их дому, я отправилась за бедняжкой Молью, оставшейся в лагере. Она, конечно, под защитой магического контура, но об этом не знает.

Звезда счастья полетела за мной, видимо, я шла в верном направлении. В том, что звезда не бракованная, я убедилась, когда выехала на тракт: она отправилась направо, уводя меня с земли Скальда, что, в принципе, пока

совпадало с моими прежними планами.

Глава 6

Я уже не в первый раз отдаю должное находчивости жителей земель, по которым проезжала. Сейчас я осматривала просторную хеймимскую лавку. Даже в самом дальнем уголке примерочной было светло благодаря множеству отполированных до блеска металлических «тарелок» на стенах. Поймав солнечные лучи из окна, они передавали их дальше. Удивительно, но такой способ естественного освещения распространен во многих гвартах и даже деревнях. В этой шляпной лавке меня привлекла витрина, где помимо головных уборов и шарфиков был выставлен прекрасный светлый парик на деревянной подставке.

Это потому, что своим унылым серым платком и скромным платьем вкупе с симпатичным лицом я вызывала скорее нездоровый интерес, чем пряталась за непрезентабельным видом. А нам, ведьмам, в рассаднике жрецов Света лишнее внимание смерти подобно. Измира предупреждала как можно дальше держаться от Хеймица, где властвует орден Света. Тем более от его столицы – Хеймима. К сожалению, мой путь лежит именно через нее, а все из-за злосчастной путеводной звезды. Вот и приходится двигаться к счастью по «минному полю».

Получив звезду от фей, я сперва с опаской присматривалась к необычному подарку. Не слушалась призыва, сама выбирала направление и дорогу. Но звезда так усердно возмущалась и мельтешила перед глазами, что однажды меня чуть не приняли на тракте за припадочную – слишком активно и с руганью отмахивалась от того, что другим не было видно.

И вот, спустя пару недель мытарств, я сдалась: послушно следую за звездой. Но, елки зеленые, как же она меня бесит, зараза! И как пугает этот город! Но нужны продукты и хотя бы небольшой отдых в мягкой кровати. И мытье в горячей ванне, а не в ручье или пруду с лягушками! Ладно, хоть не со змеями и крокодилами. Мне они тут пока не попадались.

Первым делом я запаслась самым необходимым: пропитанием для себя и Моли, которую оставила в таверне утром. Ну и решилась-таки походить по торговым рядам, чтобы купить одежду получше, чем та, что досталась от Измиры и была собственноручно сшита под ее руководством.

Собственное отражение в зеркале мне понравилось. Светлый и, надо сказать, хороший парик. Мне идет. Тем более цвет похож на мой прежний, родной. Который был до того, как с принятием силы Измиры моя отросшая шевелюра окрасилась в рубиново-красный. Ведьминская сила придала мне шарма: осветлила и выровняла цвет лица, засияла в и так ярко-изумрудных глазах, благо у человеческих магов они тоже светятся. А все остальные привлекающие внимание признаки моей сущности я закамуфлировала.

Из зеркала на меня смотрела хорошенькая фигуристая блондинка среднего роста с густыми, тщательно причесанными волосами. Платье – простое, но милое. Светло-зеленое, с пышной юбкой на ладонь выше ступней и рукавами чуть ниже локтей.

Чтобы не выделяться из толпы столичных горожанок, я купила браслеты и бусы из разноцветного бисера и теперь органично вписывалась в шумную пеструю толпу. Орден Света, охотящийся на иных и ведьм, вполне лояльно относится к внешнему виду горожан, и гварт Хеймим радует яркими открытыми женскими нарядами, замысловатыми прическами и улыбчивыми лицами.

Я потрясла головой – проверила, насколько хорошо держится парик. Потерла пальцем брови и ресницы, перекрашенные в коричневый цвет специальным растительным составом, чтобы скрыть красный. Убедившись, что все в порядке, вышла из лавки, порадовав хозяйку выручкой, а себя любимую – внушительным свертком с запасным, но уже каштановым париком, новым легким плащом, несколькими шарфиками и платочками. И только завернув в пустующий закоулок, быстро засунула вещи в пространственный карман. Это изобретение почти недоступно людским магам, не стоит его демонстрировать.

Время близилось к полудню. Вроде управилась с основными делами, поэтому, вынырнув из закоулка, благоразумно направилась в таверну, предвкушая хороший обед и отдых. Завтра же покину гварт.

Но в мои планы вмешалась толпа народа! Выйдя на большую улицу, ведущую к таверне, я неожиданно оказалась в стремительно уплотняющемся людском потоке. Через минуту меня, будто подхваченную течением щепку, буквально понесла живая река куда-то спешно направлявшегося народа. Бросив попытки выбраться «на берег», я отдалась на волю случая и вскоре оказалась на центральной площади перед монументальным белокаменным храмом с башенками и высокими стрельчатыми окнами.

Сначала я ошеломленно рассматривала свисающие с балконов домов и башен храма десятки черных штандартов с лаконичным белым знаком, похожим либо на человека, поднявшего руки к небу, либо на дерево с тянущимися к солнцу ветвями. Такой до боли знакомый языческий символ Белобога с Земли. Похожий с трех лет висит у меня на шее, на серебряной цепочке. Бабушка после гибели мамы надела – хотела усилить защиту внучки, просила у богов счастья и света для меня, единственной кровиночки. И вот сейчас я вижу этот белый знак здесь, на флагах чужого мира. Но это лишь утвердило меня в мыслях, что люди пришли на Мирей с Земли. Что-то хорошее привнесли, но что-то прекрасное и извратили. Все как всегда.

Гудит толпа, гуляет настоящий магический шторм, густые, омерзительные, воняющие падалью волны исходят от грубо сколоченного в центре площади помоста. Там, словно на сцене театра, стоят, расставив ноги и демонстративно опираясь на огромные топоры с длинными рукоятями, пятеро воинов в черных латах и белых, развевающихся на ветру плащах. Суровые, брутальные, внешне вполне симпатичные… палачи. Ведь перед ними на коленях скрючились пять скованных цепями женщин. Каждый палач заставил свою жертву лечь грудью на деревянный чурбак-плаху. Так вот ради чего собралась вся эта чудовищная толпа! Посмотреть на казнь, как будут рубить головы… кому?

Несчастные приговоренные женщины оказались ослепительно красивыми, несмотря на кровоподтеки, ссадины и грязную драную одежду. Только красота их была жутковатой, как и происходящее на помосте. Иссиня-черные волосы буквально рвал ветер. Темные, горящие, словно врата в бездну, глаза пугали до дрожи. Кожа еще белее моей, словно сверкающий на горных вершинах снег, правда, заляпанный кровью. Вишнево-красные губы на прекрасных лицах искривлены страхом смерти и ненавистью. Ведьмы… настоящие черные ведьмы, о которых с неприязнью и порой отвращением рассказывала Измира. Те самые, выбравшие Тьму ведьмы, кем она сама до дрожи боялась стать. Страшно-то как! Кожа покрылась ледяной испариной, горло пересохло. Вдруг меня тоже

опознают?

Помост пришел в движение. Я как сквозь вату слушала мужчину в белом плаще, зачитывавшего приговор. Народ одобрительно гудел, щелкал семечки, лопал пирожки и с нетерпением ждал кульминации.

Наконец самая дальняя от меня ведьма под восторженные крики лишилась головы. Через мгновение ее обезглавленное тело будто разорвалось на куски, и те устремились в небо стаей мазутно-черных воронов. Еще мгновение – и они словно дым растаяли в воздухе. На мой мысленный крик: «Что это?!» пришел бесстрастный ответ гримуара: «У этой ведьмы не было преемницы и родной крови. Погибнув, она развоплотилась в общем энергетическом мировом потоке без права на перерождение».

Я опустила глаза, такие же сияющие, как у обреченных ведьм, чтобы не видеть творящийся на помосте кошмар, и дрожала всем телом. Канализацию, примитивный водопровод, газетные листки с новостями – все это я считала признаками прогресса? А на-ка тебе, Елечка, прелести развития магического мира: публичное лишение головы в качестве народного развлечения! Запредельное для девушки из цивилизованного мира зрелище.

Да, аура самого черного зла и магическая Тьма, расползающиеся от ведьм подобно кошмарной вони, вместе с вдолбленными в мою голову Измирой прописными истинами о коварных темных в какой-то мере оправдывали происходящее, но принять его я была не способна. Прекрасный мир магии с фантастически прекрасными пейзажами с легендарными драконами, эльфами и крылатыми существами! Восторг от попадания в сказку поутих еще месяц назад, когда я хоронила Измиру и прощалась с Бьо, но сегодня… Сегодня наивный ребенок во мне умер на этом эшафоте. И розовые очки разбились на мелкие осколки.

К ногам восторженно улюлюкавших зрителей покатилась вторая голова, снесенная одним мощным ударом топора палача в черно-белом одеянии. Но в этот раз никаких «воронов» не случилось. Черная вспышка – и тело ведьмы рухнуло на помост, заливая его кровью. Значит, у нее остались дети и сила ушла по наследству. Но вот кто ее сможет принять, такую черную и омерзительную, сложно сказать. Ведь даже несколько темных прядей Измиры чуть не спалили меня.

Чудовищная смерть. Чудовищная черная магия. Меня отчаянно замутило, но сбежать не позволила бы плотная толпа. Не протолкнуться. И опуститься на землю нельзя – затопчет и не заметит. Я боялась утонуть в этой колыхающейся живой массе, воняющей немытыми мужиками, рыбными пирогами и чесноком, чавкающей, гогочущей, выкрикивающей скабрезности. Можно было и не смотреть, но я опасалась привлечь внимание стоящих рядом людей, вполне довольных зрелищем и подначивающих друг друга. А может, и кого похуже: вон воины в черной форме и белых плащах зорко следят за нами.

Поэтому, стиснув зубы, я с содроганием смотрела на трех оставшихся женщин. Одна, задрав голову, готова была умереть, думая, наверное, о новой жизни. Две истошно орали и осыпали проклятьями палачей. Похоже, у них тоже нет преемниц и потомков для передачи магии, а значит – и шанса на перерождение.

В пустующем круге у эшафота вышагивали воины Света. Окровавленное, обезглавленное тело третьей ведьмы рухнуло у ног ее палача. Я было решилась отвернуться или хотя бы опустить взгляд, когда живая ведьма с усилием задрала голову, вперилась в меня черными жуткими глазищами. жадно вдохнула – и заорала на всю площадь: «Сестра, умоляю, прими мою силу, спаси нас!»

Затем она выпрямилась и, стоя на коленях, прорычала заклинание. Крик привлек внимание ее оставшейся в живых соседки по эшафоту. В итоге ко мне рванули два черных клубка – чужая магия! Все случилось настолько неожиданно, что, испугавшись черной жути, я среагировала не сразу. Только и успела закрыться руками. Меня обожгло чужой Тьмой, такой голодной и злой, будто в пламя окунули.

Вокруг закричали, загомонили, толпа бросилась врассыпную, началась давка и паника. Я успела увидеть, как сверкнули топоры, следом взметнулись две стаи «воронов» – черные ведьмы развоплотились в потоках Мирея. А потом меня будто стальными клещами схватили за предплечье и дернули в сторону. Да так, что платье на груди и у воротника затрещало по швам. Неожиданно все стихло.

Открыв глаза, я растерянно оглядела красные ожоги на руках и, с глубочайшим облегчением всхлипнув, поблагодарила богов за защиту. Тьма хоть и коснулась меня, но я ее однозначно не приняла! Затем увидела разорванный ворот платья, кружевной краешек рубашки, прикрывающей грудь, и цепочку с кулоном и знаком Белобога. Поморщилась от боли: здоровенная ручища в кожаной

перчатке больно сжала мое плечо и потянула вверх, заставляя приподниматься на цыпочки. Я испуганно уставилась на державшего меня сурового голубоглазого брюнета и пролепетала под его пронизывающим взглядом:

– Ой-ой, пустите, мне же больно! – Потом, вспомнив, что произошло и что мне грозит, заполошно пропищала: – А на каком основании вы хватаете порядочных девушек за руки?

– Лир Мартис, посмотрите, на ней знак Пресветлого! – Возникший рядом другой храмовник нахально ткнул пальцем в кулон у меня на груди, тем самым отвлекая на себя внимание ледяных голубых глаз.

Лир, если я верно разобралась, – это какой-то чин у жрецов Света, и, судя по уважительному тону второго воина, немаленький такой чин.

– Простите, барышня?.. – Выпустив мою руку из захвата, лир Мартис склонился ко мне в едва заметном приветственном поклоне, внимательно изучая мой семейный кулон.

– Елена, – представилась я именем, которое уже не раз слышала в гварте, пока рыскала по торговым рядам.

Он заглянул мне в глаза, снова вызывая вымораживающий душу и спину сквозняк:

– Ты магичка?

– Да, лир, третьей категории, – проблеяла я заранее приготовленный Измирой ответ. Ну прямо как трясущаяся овца перед волком.

Третья – это такой хиленький середнячок, мало на что способный, но прикрыть флер сильной ведьминской магии в состоянии.

– Мы не уследили за ведьмами и пропустили выброс Тьмы, но, я надеюсь, все обошлось. Нам придется наведаться в храм, проверить тебя на… заражение. Сама знаешь, служба.

То есть, проверять будут на ведьмачество, просто прикрываются мудреным словом «заражение». Внутри все дрожало плохо застывшим холодцом, но пришлось собраться и с натянутой улыбкой проблеять:

– Конечно-конечно, я понимаю важность… э-э-э… необходимость проверки. Тьма слишком коварна.

По коридору, образованному расступившейся толпой, в оглушительной тишине мы двинулись к храму. Я даже слышала звон металлических шпор на сапогах конвоиров, напоминающий звук топора, падающего на плаху… Хотя надежда на спасение еще теплилась, ведь меня не ведут, а вежливо «сопровождают». Жутко! И страшно до ледяных ступней и рук. Сердце громыхает где-то в горле, кровь шумит в ушах. К тому же эта стопроцентно бракованная звездюлина вперед меня прет, торопится в храм Света, зараза! А феи… Ну, с феями я разберусь, пожелаю им тоже счастья по самые помидоры.

Белые ступени мы преодолели быстро и в полном молчании. Перед входом конвоиры напряглись, пропустив меня вперед, а я, неуверенно оглянувшись на лира Мартиса, шагнула под сумрачные своды храма. В дверную арку явно встроены магические артефакты. Видимо, это и есть та самая проверка на вшивость, которую я прошла, ощутив лишь легкий энергетический всплеск. В самом сердце храма в круге света сияет белая статуя – немолодой воин в плаще и с мечом. Второй рукой он держит чашу, из которой в маленький бассейн у его ног стекает вода, как бы предлагая страждущему напиться. И все, больше никаких атрибутов веры, кроме стен, украшенных барельефами со знаками Белобога.

Мой конвой замер позади, не проронив ни слова, а вот звезда кинулась к статуе Белобога, облетела вокруг нее, привлекая внимание к одухотворенному лицу доброго и благородного человека, затем нырнула в воду в изножье, словно тоже предложила напиться. У меня от зловещей тишины за спиной холодец внутри застыл льдом, а шея заныла от плохих предчувствий. Конвойные явно ждали привычного жителям Хеймица ритуала, и я решилась. Лучше ошибиться, чем ничего не сделать и все равно умереть.

Я подошла вплотную к статуе, взглянула в лицо Белобога и сжала в кулаке свой кулон, словно добавляя мольбам силы покинутой Земли. Потом опустилась на колени и, трепетно зачерпнув в пригоршню святой для этого народа воды, напилась.

Сначала освежающая прохладная вода остудила горло. Я зачерпнула и выпила еще, благодаря за жизнь. А дальше меня словно окутало исходящее от статуи сияние. Стало приятно и тепло, будто в сильных горячих отчих руках. «Руки» слегка сжали мои плечи, делясь поддержкой и уверенностью, а потом отпустили. Даже зуд от ожогов Тьмы пропал. И на душе стало легко и светло.

Я минуту простояла на коленях с глупой счастливой улыбкой. Ведь только что получила знак: боги меня не оставили. Неважно, Мирей это или мой с Земли, но они со мной!

– Барышня, я рад, что Тьма в вас не проникла. Светлые души укрепляют Хеймиц, – вежливый и подобревший голос лира Мартиса вернул меня в реальность, но словно окатил ледяной водой. Воин Света помог мне подняться и повел к выходу.

– Благодарю вас, лир Мартис, – хрипло шепнула я, прикрываясь веером ресниц от внимательного, уже не подозрительного, но слишком заинтересованного мужского взгляда.

Вот не будь я в сердце Хеймица – оплота борьбы с иными и ведьмами – я бы, наверное, смущалась и млела от внимания высокого, сильного, харизматичного мужчины. Сейчас же мне приходится сдерживаться, чтобы не затрястись от страха. Нестерпимо хочется проверить: не сполз ли парик в заварушке? Но надо держаться за локоть любезного кавалера и идти на деревянных ногах.

– Смею надеяться, что вы позволите мне ухаживать за вами и согласитесь обращаться ко мне по имени. Просто Мартис.

– Это немного преждевременно и неуместно…

Мой хриплый лепет не «просто Мартис» мягко оборвал:

– Я понимаю, вы удивительно чистая и красивая девушка. Не каждую душу Пресветлый одаривает своим Светом. Тем более вы магиня. Любой ловчий ордена сочтет за честь, если вы согласитесь стать его женой.

– Вы полагаете? – Я выдавила смущенную улыбку, поддерживая разговор.

– Уверен! – улыбнулся мужчина, сверкнув потеплевшими голубыми глазами. Но я четко ощущала его взгляд, слишком изучающий. – Я главный ловчий Хеймима, так что поверьте моему слову.

Щеки обожгло румянцем, но не от смущения, как могло показаться моему собеседнику, а от страха сгореть на костре или лишиться головы на плахе. Я старательно прикрыла глаза ресницами и по-девичьи стыдливо смотрела долу, когда едва слышно из-за сведенного горла шептала:

– Хорошо, лир, я доверяю вашему мнению.

– Где вы живете, прекрасная Елена?

У меня едва не начался приступ паники. Каким-то чудом я не дернулась бежать, наверное, ног не чуяла. Хорошо, что запомнила деревню, расположенную недалеко от Хеймима.

– Я приехала из Хамиков, поступать в школу для магов. Целый день в пути. Но пропустила экзамены и пока остановилась в таверне…

– Если позволите, Елена, я завтра же навещу вас и помогу решить проблемы с поступлением. Вам не о чем печалиться.

Я вскинула на главного ловчего ошарашенно-испуганный взгляд, который, похоже, сошел за удивленный его щедростью. До самой таверны, куда меня опять конвоировали, но уже с другой целью – чтобы конкуренты перспективную невесту-магичку-дурочку не умыкнули, – мы вели задушевные беседы. Точнее, ловчий «ненавязчиво» выяснял мои таланты, спрашивал о семье, к чему приучена, о чем мечтаю. Судя по прощальному взгляду храмовника, я крепко запала ему в душу – хоть завтра готов жениться. Эх, видно, перестаралась я со страху с достоинствами и послушанием.

Прямо при лебезящем хозяине таверны мы с неожиданным ухажером договорились о встрече поутру. Дальше, смахнув слезу от радости, что осталась жива, я помахала ему на прощание ручкой и с колотящимся сердцем скрылась в своей комнате. С час лежала в кровати, пытаясь успокоиться и что-нибудь придумать. Может быть, так бы и тряслась до утра, но на ловца и зверь бежит.

Уже смеркалось, когда горничная принесла кипу моих выстиранных и высушенных вещей. Сначала я заплатила ей за работу, а потом мне в голову пришла гениальная по простоте идея. На ночь глядя из таверны просто так не сбежать, не брошу же я Моль на произвол судьбы. Тем более хозяин знает, что завтра я здесь встречаюсь с главным ловчим столицы. Сочтет за побег и правильно сделает, еще и донесет, далеко не убегу. Поэтому я быстренько собралась и закатила скандал: одежду не погладили, поесть не принесли, постель рваньем застелили. Возмущаясь отвратительным обслуживанием на всю таверну, я заявила, что переезжаю в другую, на соседнюю улицу.

А дальше, свернув в очередной переулок, в сгущающихся сумерках принялась за вторую часть плана. Покидать город, опять-таки на ночь глядя, да еще и одинокой девице – однозначно вызвать кучу вопросов и привлечь внимание. Поэтому я переоделась в серое платье и платок, смастерила из сена чучело, обрядила его с головой в плащ с капюшоном и даже сунула ему в «морду» курительную трубку, «одолженную» у хозяина таверны. Вышел вполне сносный спутник – коренастый и молчаливо пускающий пахучий дымок.

Хеймим я покидала уже при свете десятка лун, помахав стражникам на прощание, и лишь под конец чуть не спалилась. Причем буквально: голова чучела от трубки задымилась, потом и заискрилась. Пришлось тушить при помощи магии да настегивать Моль, чтобы убраться подальше.

На звезду, которая нетерпеливо вела меня все дальше на юг, я теперь смотрела, как на врага. Хотя благодаря ей сегодня выяснила кое-что важное: во-первых, мы все ходим под одними богами; во-вторых, черные ведьмы – не сказки Измиры, а Тьма – по-настоящему отвратительная и подлая сущность; в-третьих, несмотря ни на что я до сего дня с упорством ослицы причисляла себя к людям, но показательная казнь ведьм полностью искоренила во мне это заблуждение. Теперь люди пугали меня до подкашивающихся коленок и воспринимались, как непредсказуемые хищники.

Кажется, я готова рискнуть и отправиться к иным расам, там на ведьмах лишь женятся, а не рубят им головы и не сжигают на кострах. Жить-то всем хочется!

Глава 7

Два месяца неожиданно напряженного и трудного путешествия вымотали меня до предела. Не рассчитывала я на низкий уровень комфорта на Мирее и всякие неприятности. Вчера к полудню мы с выносливой работягой Молью добрались до Барвика – небольшого городка в земле Тюрила, огромного аграрного края с прекрасным солнечным климатом и сносным отношением к носителям любой магии, лишь бы на пользу дела шла. По слухам, здесь привечают и ведьм, ведь мы дружим с растениями, а вокруг – сплошные фермерские поля.

Основанная людьми земля Тюрила соседствует с Ординашем – исконной территорией степных орков по эту сторону Серых пределов. Со временем произошло смешение народов, и теперь здешние жители – высокие, смуглые, черноволосые крепыши с грубыми чертами лица. А их женщины – фигуристые плотненькие брюнетки. Гримуар любезно подсказал, что, несмотря на продолжающееся смешение двух рас, тюрильцы считают себя людьми, а не полукровками орков. Более того, довольно прохладно относятся к любым чистокровным старшим расам. Согласно древней ведьминской карте, за Ординашем начинаются Серые пределы – места обитания тех самых старших, исконных рас Мирея. Пределы условно делят этот материк на две части: людей и нелюдей.

Я устала постоянно трястись в повозке, глядя на мерно покачивающийся лошадиный хвост и догоняя звезду счастья. Устала напряженно вглядываться в любого встречного, будь то запыленный пешеход или обоз; устала бояться одиноких ночей в лесах или прямо у дорог, чувствовать себя бездомной и глотать пыль из-под копыт. Да и лето подходит к концу, а ночевать под открытым небом осенью и зимой – сомнительное удовольствие.

Вот так навалившаяся усталость основательно приглушила веру в чудесную волшебную звезду фей, которая должна привести меня к счастью. Поэтому, наслушавшись рассказов о лояльном к магам Тюриле, я собралась хоть на время обосноваться здесь. Прикинула, что можно вполне прилично устроиться: найти махонький домик по средствам, выращивать полезные травки и варить целебные зелья. Попытка не пытка. Всего за два месяца приключений я отчетливо осознала: я домосед, а не странник. И тем более не скиталец. В конце концов, за счастьем можно и потом отправиться, когда я отдохну и накоплю позитива.

Разгладив складки на юбке в коричнево-зеленую клетку и проверив, застегнуты ли пуговички на манжетах у щедро украшенной рюшами изумрудной рубашки, я спускалась на первый этаж хорошей большой таверны.

– Госпожа ведьма, настоятельно прошу вас не тащить сюда всяких… тварей, – ворчливо-вежливо громыхнул хозяин таверны, увидев меня.

– Да я только одного… – Отметив укоризненно поджатые губы здоровяка-полуорка, я исправилась: – нескольких кашеков вылечила. Кто ж знал, что они всю стаю за собой приведут?

Да уж, оплошала я знатно: увидев вечером под окном несчастное животное со сломанной лапкой, похожее на самого очаровательного котика, вылечила его. А он буквально через час привел двух больных лишаями котят-подростков. Их тоже вылечила. Зато к полуночи, когда под окнами уже орало полсотни страждущих в нетерпеливом ожидании халявной медпомощи, благодаря взбешенным шумом гостям и хозяину таверны выяснилось, что местные котики – это полуразумные кошачьи с зачатками магии. Кашеки.

– В наших краях любой знает, что кашеки – это бессовестные несуны и наглые воришки. Видно, вы совсем далеко раньше жили… – покачал головой хозяин, невольно бросив удивленный взгляд на мою прическу, где давно уже красовались черные прядки. Как у ведьмы, познавшей Тьму.

С этими специально прикрепленными к моим собственным волосам прядями путешествовать безопаснее: всяких проходимцев отпугнет Тьма, а порядочных людей успокоит общая красная масса волос, мол, я не совсем пропащая ведьма, добра во мне еще достаточно. Удивление хозяина таверны понятно. Для ведьмы с черными отметинами в рубиновой шевелюре я слишком щедро разбазариваю собственные силы, не требуя оплаты. Да еще на животных, от которых пользы – кот наплакал.

Эх, не просто оплошала, а совершила непозволительную ошибку, надо быть осторожнее! Натянув дежурную высокомерную улыбку, я «призналась»:

– Знаете, уважаемый Римс, сама в недоумении. Что-то на меня накатило вчера… словно проклял кто-то.

Хозяин таверны мигом скрестил пальцы, отпугивая чужое проклятье, а я, надев шляпу, поспешила к выходу. Дел невпроворот. Накануне, за ужином, собирала городские сплетни и аккуратно интересовалась, где самые тихие и благополучные районы, много ли проживает в округе магов-целителей и аптекарей. Не хочется потом с кровью делить страждущих. А с утра отправилась осмотреться в городе и его окрестностях, узнать, чем народ живет и дышит.

Первым делом купила еды себе и корма лошади, это уже на подсознательном уровне выработалось. За два месяца путешествия мне не раз приходилось улепетывать со всех ног и копыт, и Моль ни разу не подвела. Нагло игнорируя мельтешившую звездочку, уговаривавшую идти в известном только ей направлении, я упорно любовалась добротными домиками, приветливыми лицами горожан и радовалась, что недавно прошел дождик и прибил пыль – мои ботиночки останутся чистенькими. Пока много чего складывалось в пользу Барвика.

«Не смотреть! Я сказала – не смотреть, куда летит эта настырная блестящая зараза!» – бормотала я себе под нос. Ну, чтобы и зараза слышала. И честно, само собой так вышло, что вскоре я нечаянно оказалась именно там, куда упорно зазывал меня подарочек фей. Хотя как по мне, так настоящее проклятье. Я пришла в самый центр гварта и, осмотревшись, ошеломленно замерла: вместо привычных храмов, зданий местных управ и тому подобного на площади Барвика шумел базар.

Ну базар и базар, дело нужное, если бы наряду со скотом и другими товарами не продавали разумных. В стороне от хрюшек и картошки на помосте толпились люди и нелюди. Самых крепких быстро разбирали солидные покупатели. Помимо рабов, некоторые разумные сами предлагали себя в услужение, всячески расхваливали свои силы и умения крепким деловым фермерам. За хороших работодателей на «бирже труда» шла нешуточная борьба.

Гримуар помалкивал, зато звездочка мельтешила, буквально упрашивала идти за ней дальше. Пришлось послушно огибать столпотворение. Привела она меня к пустым клеткам… ой, нет, одна кем-то занята. Возле нее громко расхваливал нескольких мужчин, явно добровольцев на сезонные работы, продавец – тщедушный мужичок с близко посаженными черными глазками и в добротной одежде. Одновременно этот специалист местной службы занятости переругивался с грузным бородатым брюнетом в грязных сапогах и с нагайкой в мощном кулаке.

– Эй, верни мне золото, этот крылатый не стоит и медяка! – взревел бородач.

– Кто это решил? – возмутился тщедушный. – По силе и выносливости он стоит десятерых рабов, настоящий воин! Благодаря магическому ошейнику подчинения будет как шелковый!

– Ты меня совсем за дурака держишь? – негодовал бородач. – При чем тут ошейник подчинения и клятва неприкосновенности хозяина? Без нее он меня в любой момент убьет!

– Сделка совершена, уважаемый. Теперь крылатый – ваша забота! – не сдавался «кадровик».

– Любой знает: главное условие сделки – добровольная клятва подчинения и неприкосновенности хозяина, а этот раб отказался ее давать! Верни мое золото, жулик! – все громче ярился бородач.

– Да подавись ты своим золотом! – прошипел тщедушный и сунул в протянутую ладонь-лопату бородатого кошель с деньгами.

– Поговори мне еще, мошенник! Накатаю жалобу в магистрат! – рыкнул бородач, сжимая кошель в кулаке, краснея и пыхтя, словно кипящий чайник. – Этих четверых иных ты продаешь уже месяц! Сегодня все равно последний день, а завтра стража признает их непригодными и опасными для гварта и уничтожит.

– Ой-ой, испугал. Накатает он. Сперва считать научись, умник. У меня еще два дня есть! – злобно выплюнул продавец, причем буквально.

Бородач в долгу не остался: плюнул ему под ноги и ушел, гневно потрясая руками и расталкивая зевак.

Мой «навигатор» направился прямиком к одной из клеток. Ей проще: пролетела над головами и зависла. А мне пришлось протискиваться. Наконец я пролезла к тщедушному торговцу рабочей силой. Весь его «товар», похоже, разобрали, остался только один невольник, подпирающий верх клетки. Он стоял, расставив ноги и расправив, насколько позволяло замкнутое пространство, потрепанные тускло-белые крылья.

– Ангел… – потрясенно выдохнула я, рассматривая неземной красоты мужчину в рваной грязной рубахе и таких же штанах, наверняка бывшем исподнем.

Но даже в клетке и в рабском ошейнике, как пить дать, на голодном пайке, оборванный и босой, этот мужчина производил впечатление сильного, уверенного в себе и опасного… кого? Вычленив меня из толпы, он презрительно-высокомерно скривил полные губы и впился мне в лицо ненавидящим, ярко-зеленым, как у меня, взглядом. Вернее, одним глазом, потому что второй и пол-лица закрывала потемневшая от грязи прядь светлых волос.

– Госпожа хочет этого красавчика? – угодливо повернулся ко мне проныра-торговец. Приподнялся на цыпочки и намекнул: – Прекрасный образец, раб в ошейнике полного подчинения. Выполнит любую вашу прихоть.

Как же эта реклама мерзко и пошло прозвучала! Я хотела огрызнуться, отвергнуть чудовищное предложение купить разумное существо, но не могла оторвать взгляд от крылатого нелюдя, над клеткой которого зависла звезда счастья.

– Сколько? – хрипло выдохнула я и отметила, с какой яростью полыхнули глаза «ангела».

– Десять золотых!

– Сколько?! – Я чуть не задохнулась, услышав цену, а потом желчно напомнила: – И за эти деньги он добровольно, как положено, даст клятву подчинения?

– Да этот ирлинг скорее глотку тебе перегрызет, чем клятву даст! – хохотнул кто-то из зрителей.

Торговец даже зубами заскрежетал. А остряки вокруг развлекались кто во что горазд:

– Такой красотке?..

– Да он залюбит ее до смерти…

– Видно же, давно бабы не было…

Так это ирлинг? Я пристально вглядывалась в крылатого, а моя путеводная звезда по понятным только ей соображениям настойчиво отсвечивала у него над головой, всем своим видом показывая: вот оно, счастье твое, стоит тут, такое гордое и непреклонное. Красивый, конечно, аж дух захватывает и в груди щемит от восторга… всамделишный ангел же.

– Ладно, только для вас дам скидку. Девять золотых! – сделал «одолжение» рабовладелец. – В конце концов, только на его содержание я потратил не меньше…

– Один золотой – и ни медяка больше! – выпалила я слишком высоким, нервным голоском. – Мне его тоже кормить придется. По вашим же словам, слишком прожорливого и строптивого.

Народ оживился, а тщедушный выпучил глаза и деланно оскорбился:

– Да это грабеж среди бела дня! С вашей жадностью вы не найдете себе мужа, уважаемая!

Я сняла шляпу и демонстративно поправила прическу, позволяя всем увидеть в ней черные пряди. А потом многозначительно заметила:

– Хвала Мирею, ведьме муж не нужен. А сильный работник в саду – очень даже пригодится.

Все замолчали, с жадным любопытством разглядывая меня, залетную ведьму. Сама я в этот момент тряслась в душе от страха и сомнений: за каким чертом мне понадобился этот ангел? Что я с ним буду делать? А заодно и с людской молвой про ведьму, купившую себе ирлинга? Но бородач говорил, что уже завтра этого строптивого раба уничтожит стража магистрата, поэтому я не смогла уйти и забыть о «счастье», которое каким-то образом было связано с крылатым… пленником. Ну какой из него раб?!

– Хорошо, гони золотой – и он твой, – неожиданно сдался торговец.

– Миха, она, конечно, ведьма, но условия сделки обязательны для всех. Раб должен дать клятву! – визгливо выкрикнул кто-то из толпы, похоже, чтобы досадить и мне, и торговцу.

Я достала из кошелька золотую монету и на подгибающихся ногах – хорошо, юбка скрывает – направилась к клетке. Приблизилась почти вплотную к прутьям, остро ощутила запах мужского пота, а еще – ярость и жажду крови. Я рисковала жизнью и отчетливо это понимала, когда, задрав голову, в отчаянии смотрела в полыхающие зеленой ненавистью глаза ирлинга. Огромного, крылатого, обозленного.

И шептала:

– Послушайте, давайте договоримся: я сейчас вас куплю, и вы дадите мне клятву подчинения. Но я клянусь, что через час освобожу вас от нее.

Он молчал, пристально рассматривая меня, а затем резко наклонился, отчего я дрогнула всем телом и лишь каким-то чудом не отпрыгнула от клетки. Затем ирлинг жадно втянул носом воздух, надо думать, знакомился с моим запахом. Нервно облизав губы, я судорожно вздохнула и отметила, что ладонью закрываю свое горло – защитные инстинкты сработали рядом со… зверем.

– Клянусь, что буду слушаться тебя, ведьма! – неожиданно громко и глубоким басом произнес ирлинг. Затем, приникнув к прутьям, добавил едва слышно, только для меня: – Ровно час с этого момента.

– И не причинишь мне вреда! – пискнула я, вспомнив про вторую, важную часть клятвы. А внутри все заныло от предчувствия очередной неприятности.

– И не убью тебя, ведьма! – согласился с угрожающей насмешкой мой… раб.

– Сделка состоялась! – объявил бывший владелец ирлинга, не дав мне поправить слова клятвы, и выковырял из моей размякшей от страха ладони золотой.

Я вновь судорожно сглотнула, смачивая пересохшее горло и таращась на здоровенного крылатого мужика, которого торговец выпускал из клетки. Но неожиданно ирлинг ухватил его за плечо и строго напомнил:

– Ты забыл передать ведьме право хозяина ошейника.

Злобно зыркнув на ирлинга, худосочный противный торгаш буркнул оправдание и под мое ворчание и нытье мазнул ошейник нашей кровью. Затем мстительно пообещал невольнику:

– С ее характером ты все равно долго не протянешь.

– Характер у меня прелестный, это у вас нервишки – дрянь, – вырвалась у меня земная фраза.

Проверять, как сильно перекосило от нее продавца живым товаром, смысла не было – народ вокруг довольно гоготал и комментировал происходящее. Я убедилась, что ирлинг следует за мной этакой крылатой махиной, и торопливо зашагала прочь. Ну, хоть развлекавшаяся за мой счет толпа расступилась.

Что-то жить в Барвике мне расхотелось: там, где запросто торгуют людьми… даже с крыльями… не то место, где мне хотелось бы обосноваться.

Пока шла с базара, зверски чесалась спина и затылок, нещадно свербело между лопатками, я даже взмокла от дурных предчувствий. И не успела подумать, что делать дальше, как вдруг оказалась прижатой к стене в глухом безлюдном закоулке. Ирлинг огромной ручищей, словно клещами, сжал мое горло и угрожающе навис надо мной. Совсем не ангел, как оказалось.

– Что вы творите? Я же спасла вас от смерти! – прохрипела я, пытаясь отодрать пальцы нелюдя от своего горла. – Идите куда хотите…

На остальную часть пожелания воздуха не хватило, тем более другой рукой неангел сдвинул с моей головы шляпу и пальцами быстро нащупал в волосах шпильки с закрепленными черными прядями. Вытащил одну, изучил и зловеще усмехнулся, разглядывая мои кроваво-красные волосы:

– Светлая, как я и думал!

– Отпустите, меня, пожалуйста! – взмолилась я.

И тут же получила свободу. Отдышавшись, опираясь о стену, я судорожно поправила одежду, нахлобучила поглубже шляпу, забрала черную прядь у ирлинга и спрятала в карман. Мысленно костерила и «покупку», и себя, и подарок фей на все лады. К тому же бракованная звезда никуда не делась. Так и висит над головой «счастья» немым – благо больше никому не видным – напоминанием о моей глупости. Елку для Ели нашла! Ну феи, ну удружили! Что ж, я точно вернусь на ту полянку и похимичу над защитным контуром. Расплачусь за подарочек по полной, осчастливлю их тоже.

– Деньги есть? – вмешался в мой план мести властный голос ирлинга.

– Есть, – не думая, ляпнула я на растревоженных страхом рефлексах. – А сколько нужно?

Вот экстремальные ситуации точно не мой конек. К сожалению, в такие моменты я конкретно так торможу. Мои руки сами по себе сняли с пояса кошелек, я уже растянула тесемку в ожидании точной суммы, а наглая неангельская морда выхватила у меня кошелек и направилась прочь из переулка. Босой, в жалких лохмотьях, с рабским ошейником… Но уверена: вряд ли кто-нибудь заступил бы ему дорогу даже сейчас.

– Эй, постой, там десять золотых! – Я рванула за ним.

– Потом верну! – «Раб» отмахнулся от меня, как от назойливой мухи.

– С процентами! – возмущенно рыкнула я.

Мужчина обернулся и, неожиданно усмехнувшись, преобразился до неузнаваемости – красавчик-сердцеед, да и только!

Цепко схватил меня за руку и повел к той самой лавке, в которую я сама хотела сходить. Вскоре под настороженным взглядом лавочника ирлинг приоделся и докупил одежды на кругленькую сумму. При этом выбрал несколько неожиданные, по-моему, вещи, не подходящие для крылатой фигуры. Спустя час о том, что я обзавелась рабом, уже хорошо одетым и обутым, свидетельствовал лишь магический ошейник на его шее.

Глава 8

У таверны я остановилась, с облегчением переводя дыхание: обрадовалась, что наконец-то избавлюсь от хамоватого «несчастного и угнетенного», о чем ему вежливо напомнила:

– Вот и все, время вашей клятвы истекло, вы свободны.

– Ты нездешняя? Сняла комнату в таверне? – проигнорировал намек нетипично навязчивый раб.

Шел бы ты уже куда-нибудь подальше! Хотя что я о них знаю, о рабах местных? Даже выдирая локоть из его захвата, я была все еще любезна:

– Да. Прощайте. Спасибо, что проводили, но дальше не стоит, могут неправильно понять и…

– Акайо! – объявил о чем-то ирлинг, крепче перехватил мой локоть и повел к дверям таверны, наплевав на приличия, возможных зрителей и выразительный взгляд «хозяйки».

– Простите, что вы сказали? – растерянно спросила я, упираясь каблуками в брусчатку, чтобы затормозить.

– Можешь обращаться ко мне по имени – Акайо. И хватит упираться, у нас не так много времени, а дел невпроворот, – еще и отчитал нахал, тренируя мою выдержку и буквально силой заволакивая в таверну. – В какой комнате ты поселилась?

– Третья комната справа на втором этаже, – послушно ответила я по инерции, а потом, когда мы вошли в таверну, опомнилась и возмущенно уставилась на него.

Хозяин заведения Римс, одновременно наблюдавший из-за стойки за гостями и своими работниками, встретил нас – запыхавшуюся, заметно сопротивляющуюся ведьму с высоким крылатым спутником – удивленным взглядом, а услышав от ирлинга заказ подать ужин на пятерых, и вовсе округлил глаза.

Оценив размер назревающих проблем, я резко вырвала у Акайо свою руку и, задрав голову, гневно выпалила:

– Вы не предупредили, что ожидаете гостей!

– Ужинать будем только мы с тобой, просто я голодный, – без капли неловкости пояснил Акайо, бесцеремонно направляя меня к лестнице.

– Вам помочь избавиться от навязчивого ухажера, госпожа ведьма? – спокойно предложил Римс, многозначительно положив крепкие ручищи на стойку и побарабанив по ней пальцами.

Меня раздирало желание согласиться на столь любезное предложение полуорка, но неожиданно я обратила внимание на слишком низко и вольно болтающуюся перед носом черную прядь. Видно, в пылу сопротивления еще одна открепилась. Пришлось небрежным движением «смахнуть» ее со лба и – надеюсь, незаметно – отправить в карман к аналогичному свидетельству моей «темноты». Затем я досадливо-стыдливо поморщилась и призналась:

– Ну я как бы раба купила…

– И охота вам приваживать всяких проходимцев? – укоризненно покачал черной лохматой головой хозяин таверны.

– Ну то ж кашеки… а тут – ирлинг… Случайно вышло. – С каждым словом мои щеки полыхали жарче, а Римс все с большим сомнением посматривал на мою рубиновую в черную полоску шевелюру.

Похоже, предательски съехавшее прикрытие не осталось незамеченным, и стоит поторопиться с отъездом из Барвика. Но куда?

– Ваши долги растут как на дрожжах, Акайо, – прошипела в коридоре я, пока мы шли к комнате. – Вы потратили целых десять золотых – моих золотых, между прочим! – на одежду и дурацкие железки. Сейчас вот ужин на пять персон. Вы представляете, сколько это стоит?!

Ирлинг бесцеремонно подтолкнул – нет, впихнул – меня в номер и, захлопнув за собой дверь, снисходительно и весело пообещал:

– Не волнуйся, красивая, я тебе все верну сторицей!

Только при этом он слишком холодным, цепким взглядом осматривал мое временное пристанище, причем вполне приличное.

– Могу подарить, если вы прямо сейчас исчезнете из моей жизни, – с надеждой предложила я, мысленно унимая личную жабу.

Эта новая, совсем не свойственная мне в прежней, земной, жизни коммерческая жилка и прижимистость после принятия чужой силы ощущалась все острее. Она влияла на поступки или сдавливала сердце в своих жадных загребущих лапках, стоило подумать о разбазаривании собственных сил или средств. Ох, не зря наставница предупреждала: ведьма, даже светлая, бесплатно ничего не делает!

– Нет, я пока не в состоянии делать столь щедрые подарки, – «порадовал» меня ирлинг и расстроил еще больше: – Но если ты мне еще немного поможешь, рассмотрю твое предложение.

– Вы уже и так перешли все границы! – рявкнула я. – Еще немного – и я… прокляну вас!

Акайо прошелся по комнате, заглянул за шторку в умывальню, в узкий пустующий шкаф, даже в окно выглянул, явно проверяя пути отхода. Прямо как шпион из детектива. Затем подошел ко мне, быстро, но аккуратно избавил меня от камуфляжа темной ведьмы и с каким-то маниакально зловещим выражением лица прошелся немытыми руками по моим волосам. Еще и жадно потянул носом воздух:

– Как же вкусно пахнет твоя магия!

– Чем? – заволновалась я.

– Всем, что мне так необходимо! – Акайо устрашающе навис надо мной.

Я испуганно уперлась ладонями ему в грудь, пытаясь оттолкнуть хотя бы на расстояние вытянутой руки, и только благодаря его «доброй воле» мне это удалось.

– Прокляну! – Если бы мой голос не дал петуха, вышло бы серьезно, а так – стыд, да и только.

Склонив светловолосую голову к плечу и пристально разглядывая меня, ирлинг с обманчиво мягкой улыбкой, не отражавшейся в зеленых глазах, отмел угрозу:

– Проклянешь? Нет, не думаю. Ты в курсе, что в древности ведьмы считались хранителями магического равновесия, этаким естественным балансом Тьмы и Света? Но уже давненько истинно светлых ведьм никто не видал. Стремление к бессмертию и вечной молодости, жажда независимости и свободы слишком часто толкают вас на темную сторону. А потом юные ведьмочки получают от кровниц зараженную Тьмой силу и не могут справиться с ней, не в состоянии очиститься. Воспитываются темными, с детства видят гниль и Тьму, пропитываются ею. Так что, Огонечек, чистое пламя твоих волос о многом говорит. И многое может дать…

Задрав голову, я замерла натянутой, напряженной струной. Во мне метр семьдесят пять сантиметров роста, для людей Мирея я довольно высокая. Сама по себе не худышка и не хрупкая, тем более в пышной юбке. Но рядом с высоченным Акайо, кажется, закрывшим широкими плечами весь мир, я внезапно ощутила себя маленькой и беззащитной. Слишком уязвимой и до ужаса смертной. А ведь уже привыкла к мысли, что буду жить не одно столетие! В чем-то он прав: жить захочешь – по-всякому раскорячишься, не только в темную сторону.

Глядя в глаза этому смертельно опасному хищнику, загнанному в ловушку и оттого еще более непредсказуемому, я попятилась и хрипло укорила:

– Если бы не я, завтра вас казнили бы как опасного преступника. А вы ведете себя со мной, как… как последний гад!

– Ну что ты, не последний. За мной наверняка кто-то был, – спокойно усмехнулся Акайо, сверкнув белозубой ухмылкой.

– Хватит, уходите! – потребовала я, скрыв за строгим тоном отчаянную злость и страх перед опасным незнакомцем.

Раб? Ангел? О Мирей, я же сразу догадалась, что он не тянет ни на одного из них! Даже в грязном нижнем белье вел себя, как царь зверей. А проклятая звездюлина продолжает ярко и призывно сиять над ним. Не хватает только плаката со стрелочкой и надписью: «Внимание, твое Счастье! Возврату и обмену не подлежит!»

Если бы не она, я бы устроила скандал еще внизу, и этого хамоватого и неблагодарного недоангела выкинули бы отсюда.

Может, феи на меня все-таки обиделись? И подсунули бракованное счастье? Но, поразмыслив, я даже поморщилась от этой мысли, ведь гримуар они весьма сытно накормили. Древний ведьмин архив не обмануть. Заплевал бы их всякой малополезной ерундой.

– Огонечек, – подозрительно вкрадчиво обратился ко мне Акайо и неожиданно серьезно предложил: – Если ты согласишься мне помочь, я тебя озолочу!

И как это понимать? Тем не менее счастьем не разбрасываются, каким бы сомнительным и малоприятным оно ни было. Сложив руки на груди, я разглядывала мужчину, которого зачем-то купила.

– Ну и в чем будет состоять моя помощь? В общих чертах. Я пока ни на что не соглашаюсь. И главное, чем платить собираетесь? Вы и так мне должны кошель золота!

– Дай клятву крови, что не воспользуешься сведениями, которые от меня узнаешь.

Раздраженно хмыкнув, я развернулась и, распахнув дверь, твердо отшила чересчур делового ангела:

– Одиннадцать золотых отдадите, когда будут. А бессмысленные траты на вас чего-либо еще – это не ко мне.

Тусклые, грязно-белые крылья яростно встрепенулись, зеленые глаза под засаленной прядью светлых волос вспыхнули чем-то темным, но «падший» ангел даже не дернулся – продолжал сверлить меня нечитаемым взглядом. Затем он попытался выпрямиться, расправить плечи и царственно гордо приподнять подбородок, но стукнулся макушкой о потолочную балку под мой невольный хмык. В результате опять сник и глухо, чуть раздраженно процедил:

– Закрой дверь… пожалуйста.

– Слушаю! – буркнула я, пряча улыбку. Но предусмотрительно осталась поближе к двери, которую прикрыла. Если что, хоть сбежать успею. Надеюсь!

– Если снимешь эту дрянь с моей шеи, я клянусь, что заплачу… сто золотых. И позабочусь о твоей безопасности! – сухо озвучил он предложение.

Сто золотых? Зеленые глаза напротив вспыхнули самодовольством. Ирлинг явно подметил, насколько приятно ошеломил меня цифрой, но потом его взгляд потемнел, потому что я досадливо скривилась. Такие деньги платят только за донорские печень и почки, а я новые отращивать не умею.

– Я не…

– Снимешь с нас ошейники, и я клянусь: получишь много золота, мое личное покровительство и защиту на землях ирлингов. Я готов подарить тебе дом. Даже найму прислугу!

Из его щедрых вкрадчивых посулов я вычленила самое важное:

– С кого это «нас»? И чье именно личное покровительство?

Акайо поджал красивые чувственные губы. Вот даже немытым, голодным, злым и торгующимся с упертой ведьмой выглядит сногсшибательно. Сложно не таращиться на него с глупой улыбкой восторженной девочки-фанатки!

– Ошейник – артефакт, блокирует мою магию и высасывает жизненную силу. Сможешь снять – заплачу, сколько скажешь. Вот тогда откровенно и поговорим, – ушел от прямого ответа ирлинг.

Я хмурилась, раздумывала, но не решалась ни согласиться, ни отказаться. Хотелось и помочь бедняге, и страшно было влипнуть в очередную неприятность. Да и мое счастье с ним как-то связано, как отказаться? Вот и мялась у двери, не зная, на что решиться.

– Надеюсь, вы меня поймете. Бросаться в очередную связанную с вами переделку и верить на слово я не намерена, – негромко и осторожно начала я. – Откуда мне знать, может, вы злодей какой-нибудь, на которого этот ошейник надели, чтобы спасти Тюрилу. А мне за вмешательство по полной влетит…

– Не в этом дело, ведьма! Эту дрянь на меня нацепили те, кто сам ни на что не способен, только ударить исподтишка ножом в спину. Слабые и вероломные предатели решили за чужой счет увеличить собственные силы. Артефакт состоит из двух частей. Первая – материальная – кожаная оплетка, зачарованная подчинять носителя. Это обманка для обывателя, отвлекающая от истинной цели артефакта. Снять ее под силу и полному бездарю, если бы не вторая составляющая – внутренняя, магическая. Под оплеткой – силовой ошейник, состоящий из энергетических нитей. Даже если получится разорвать – останешься без головы!

Пока ирлинг переводил дыхание, я размышляла, как справиться с этой сложной задачей.

– Этот артефакт создан для того, чтобы отнимать магию и силы у одного и передавать другому. У раба – ошейник; у хозяина – браслет на руке. Как только меня высосут досуха, я умру, и хозяин артефакта об этом узнает. Снять ошейник может только он или светлая ведьма, которая видит любые силовые потоки и способна распутать, расплести, как косу, деактивировать артефакт. Но я уже говорил, что по-настоящему светлых, без капли Тьмы, способных видеть магические потоки в их первозданном, чистом виде очень давно не видели. Слишком хорошо скрываются! Поэтому нас без сомнений продали людям как товар, чтобы не содержать, чтобы помучить и унизить сильнее, чтобы мы жили подольше, подпитывая подлых пиявок своими жизнями и магией.

Раб – не мой, оказывается, а хозяина ошейника – от ярости потемнел лицом. Он сверлил меня жутким взглядом, таким пронзительным и обвиняющим, что отказать ему – все равно что подписать смертный приговор. Просить о чем-либо, зависеть от чужой воли, даже доброй, он наверняка не привык.

Стало еще страшнее. Подобные Акайо не то что не ломаются – гнутся с трудом. Сами запросто согнут, сломают кого хочешь. К примеру, меня.

– Его надо просто снять? И все? – сипло уточнила я, неуверенно приближаясь к мужчине.

Ирлинг задумался, затем разжег камин, уселся на стул и глухо приказал:

– Как снимешь, сожги эту мерзость!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/olga-guseynova/schast-e-dlya-ved-my

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить